

Чайка Г.М. (1917-1987)

Биографический очерк

Рукопись
Автор Чайка С.Г.

г. Кировск
2014 г.

От автора

К написанию биографического очерка об отце Чайка Георгии Матвеевиче меня «подтолкнула» статья в журнале «Фельдшер и акушерка» за 1974 г. «Чайка Г.М. – кавалер ордена Боевого Красного Знамени». В статье дана краткая биография орденоносца и размещено его фото.

Решил в память об отце, для потомков, написать его расширенную биографию, основанную на документальных источниках и его личных рассказах, воспоминаниях.

Любой человек, а не только фронтовик, с неохотой рассказывает, а то просто молчит о горестных и чёрных днях своей судьбы, когда в силу обстоятельств, оказался в опасных для жизни условиях, где сполна приходится на себе испытать и поражение, и отступление, и плен, ужас концлагерей, и часто смотреть смерти в глаза.

Слишком тяжкие испытания враз сваливаются на человека, и его молчание понятно и объяснимо. Но иногда, под хороший стакан, человек вдруг открывается и начинает рассказывать о том, что пришлось пережить в военное лихолетье. Ему хочется выговориться, ему очень горько, болит душа, в такие моменты нужен слушатель и рассказчику становится легче.

Отец о партизанском движении рассказывал охотно, а на вопросы: о начале войны, окружении армии, о выходе из окружения, о перенесённых физических и моральных страданиях, обычно отвечал одной фразой: «Пришлось хлебнуть горя».

В этом очерке я без прикрас отразил те знаковые точки его биографии, о которых он меньше всего рассказывал, однако они оставили глубокий след в его сердце и памяти.

Пишу в той интерпретации, в которой сам слышал от своих родителей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё дальше в глубь истории уходят годы Великой Отечественной войны. Заросли травой воронки от снарядов и бомб, распаханы траншеи.

На местах бывших сражений колосятся хлеба, шумят зелёные дубравы. Выросло новое поколение людей. Забываются имена, названия населённых пунктов, забываются и детали пережитых событий.

Но были события, память о которых со временем не тускнеет. Память воспроизводит картины давно минувших дней.

«Я не совершил ничего из ряда вон выходящего – сотни и тысячи других воинов и партизан сражались с не меньшим, а порой с ещё большим мужеством, отвагой и мастерством.

В книге моего боевого товарища Евстрата Григорьевича Акушевича «Огни в родных лесах» показана вся правда о нас – партизанах отряда № 537, воевавших в родных местах и стоявших насмерть в борьбе с фашизмом.

Я не собираюсь и не буду пересказывать книгу. В своих воспоминаниях я коснусь лишь некоторых эпизодов, сражений, красной нитью прошедших через дни моей войны с противником».

(Г.М. Чайка)

Чайка Георгий Матвеевич родился 22 апреля (воскресенье) 1917 г. в д. Гута Бобруйского уезда Минской губернии (в настоящее время Кировский район Могилёвской области) в крестьянской семье Матвея Максимовича и Зинаиды Фоминичны Чайко.

Имя Георгий (Юрий)* было дано священником по святцам в честь святого великомученика Георгия Победоносца, о чём в метрической книге за апрель 1917 г. сделана соответствующая запись.

**) Георгием его звали официально. В быту все его называли Егор (Ягор), в детстве родители – Ягорка, жена Елизавета Васильевна – Юра. Другие – Георгий Матвеевич, Матвеевич*

Крестили Георгия протоирей Микула Шепилов и дьякон Владимир Бирюкович.

Детство Георгия проходило в родной деревне. Семья была религиозной (православие). Здесь читали церковные каноны, соблюдали обряды и религиозные праздники. Родители были набожными людьми. В красном углу избы висела икона, перед которой зажигалась лампада и молились.

Однако Георгий рос атеистом, сказывалась советская действительность, и в бога он не верил. По его словам, он не верил ни в бога, ни в чёрта. Да и родитель Матвей иногда говаривал: «Бог-то Бог, да и сам не будь плох».

Школа оказывала своё влияние и воспитывала детей в духе безбожия.

В вопросах религии Георгий мог и слукавить, обряды он всерьёз не воспринимал и богобоязненный образ жизни ему был совершенно не присущ.

Примечательный эпизод на эту тему вспоминал он из своего детства.

- В году 1928 или 29-м, мне исполнилось лет 11-12, перед великим праздником Пасхой, когда все готовили и красили яйца, мать отправила меня с дядькой-соседом в церковь для освящения яиц.

- Эту часть яиц поп освятит и их привезёшь домой, а эту часть отдашь попу за работу, - наставляла меня мать.

С таким же заданием на подводу был посажен своими родителями ещё один паренёк – мой друг.

Подъехали на лошади к церкви, увидели большое скопление людей и огромную очередь к храму.

Сосед привязал лошадь, мы с узелками стали последними в очередь, она продвигалась очень медленно.

Переглянулись с другом.

- Мы пройдем вперёд, посмотрим, может с кем-нибудь из наших деревенских пройдем в церковь раньше, - говорим соседу.

Прошли вперёд, обошли церковь и, спрятавшись за другими подводами, съели яйца, предназначенные попу.

Жуём и успокаиваем себя, - Попу и без нас сегодня принесли много яиц, хватит с него. Отдохнув, подошли к нашей подводе и стали поджидать соседа, заждались.

Наконец, подходит сосед.

- Ну, что, освятили яйца? – спрашивает он.

- Давно уже, - не моргнув глазом, дружно ответили мы.

Дома передал «освящённые» яйца матери, которые и были съедены на Пасху всей семьёй».

Егор рос шустрым, подвижным и любознательным мальчиком, как и все деревенские детишки, рано был приобщён к нелёгкому крестьянскому труду, помогал родителям по хозяйству. С малых лет хорошо плавал, росли ведь возле реки Березина.

Гута – деревенька лесная, в лесу с детства чувствовал себя как дома, пропадал там с друзьями целыми днями.

Сам отец о своём поведении в детстве вспоминал так «... был сорванец» и привёл следующий пример.

«... Однажды в детстве я изготовил пращу и, закладывая в неё камни, стал бросать их всё дальше и дальше. Проходили мои занятия по «боевой подготовке» во дворе. Раскрутив изо всех сил пращу, я выпустил камень и нечаянно угодил в окно. Камень, разбив окно, разбил и крынку с молоком в руках матери, - она только что взяла крынку с подоконника.

Испугавшись, убежал в лес, там спрятался. Долго не выходил, сидел в кустах.

Стемнело.

- Егорка! Иди домой, не бойся. Ругать не будем! – стала звать мать.

Пришёл в дом. Мать немного пожурела, тихо сказав, что она сама сильно испугалась неожиданно прилетевшего «сюрприза».

Окончив 4-х летнюю гутенскую школу (была открыта в 1921 г.), Егор пошёл в 5-й класс средней школы д. Любоничи. Каждый день, в любую погоду, ребята шли четыре километра через лес за знаниями, а затем обратно.

Учился хорошо, успевал по всем предметам, особенно нравилась математика.

После окончания Любоницкой средней школы успешно сдал экзамены и в сентябре 1934 г. поступил на фельдшерское отделение Бобруйского медицинского техникума (в год поступления назывался фельдшерско-акушерская школа).

К учёбе в техникуме относился серьёзно, успеваемость хорошая. Как и у каждого человека, бывшего когда-то студентом, о студенческих годах сохранилось неизгладимое впечатление.

В техникуме Георгий начал заниматься спортом. По совету друзей пришёл в секцию бокса и, надев перчатки, чтобы попробовать себя в деле, сразу ринулся в бой с партнёром, уже более года занимающимся боксом. Тот быстро разбил новичку нос, и Георгий понял – этот вид спорта не для него.

Он вспоминает:

- Снял перчатки и пришёл в секцию тяжёлой атлетики, здесь задержался до конца учёбы в техникуме. Мне нравилось заниматься штангой. Успехи были налицо. В течение нескольких лет удерживал звание чемпиона по тяжёлой атлетике среди студенчества г. Бобруйска.

Однажды на городских соревнованиях по этому виду, перед зрителями выполнял толчок штанги. Был первым и шёл на рекорд.

Топнул ногой при упоре, штанга пошла вверх и ...под ногой ломается доска настила, помост нарушился, нога проваливается, я падаю вперёд и, непроизвольно, роняю штангу. Она катится под ноги сидящих в первом ряду зрителей. Публика «ломанулась» с криком в разные стороны, но никто не пострадал.

Занимался я и силовой гимнастикой. В 30-е годы выступали с номерами, где гимнасты «строят на сцене из своих тел» разные пирамиды. Был номер, мне на плечи и на руки «устраивалось» до 5 человек. Запомнился силовой гимнастический номер, в котором из-за кулис на сцену выношу на поднятой вверх и вытянутой одной руке гимнастку – она изображала летящую птицу. Номер имел успех.

К слову сказать, девушка-гимнастка родом из соседней деревни Щатково, однокурсница, мы дружили и после окончания техникума переписывались, встречались и собирались пожениться.

Физически я был крепким, жилистым. На спор, на руках обходил костёл в центре г. Бобруйска (в настоящее время на этом месте находится православная церковь (ул. Советская).

В июне 1937 г. я окончил медтехникум и получил квалификацию «фельдшер».

С 01.07.1937 г. был призван в армию. Службу проходил в г. Витебске в авиаполку в качестве военфельдшера.

Военную присягу принял 15.09.1937 г.

Служба нравилась и начал строить планы о продолжении учёбы и поступлении в мединститут.

Кроме основных обязанностей приходилось выполнять и несвойственные поручения, также занимался общественной работой.

Помню, позвал командир.

- Хотел заказать у столяра в мастерской изготовление книжной этажерки с ящиком.

Давайте чертёж, без чертежа делать не буду, - ответил мне столяр.

- Я слышал, ты неплохо рисуешь и чертишь. Сможешь изготовить чертёж? – спрашивает у меня командир.

Расспросил о заказе, вечером начертил. Вскоре мастер изготовил требуемую мебель. Командир остался доволен. Приходилось также заниматься оформлением и изготовлением различных стендов.

В конце 1937 г. по направлению командования был направлен на 3-х месячные курсы в г. Москву в командирскую школу, по окончании присвоено звание «лейтенант».

Во время учёбы в Москве познакомился с девушкой Галей. Галя показывала серьёзное намерение ко мне. Однажды пригласила меня домой на чай, познакомить с родителями. От неё было известно, что у Гали отец военный.

Когда я оказался в шикарной квартире в центре Москвы, а из соседней комнаты вышел генерал, и Галя сказала: «Познакомься, папа, это Георгий», я

почувствовал себя очень неловко, разволновался. Весь вечер был скован и не мог связать двух слов, отвечал односложно. Не мог дожидаться окончания чаепития, скорее бы уйти и никогда больше сюда не показываться.

Я сообщил после Галине, что у меня есть невеста.

Мы расстались. В командирской школе я научился танцевать.

По возвращению в Витебск был назначен на должность старшего военфельдшера.

Служба в авиационной части, принадлежность к авиации, вызвала у меня определённый интерес к парашютному спорту. В то время парашютный спорт был очень популярен. Не скажу, что мечтал стать парашютистом, - захотел испытать себя, прыгнуть с парашютом.

В парке культуры и отдыха Витебска в 30-е годы в качестве аттракциона стояла парашютная вышка.

Прыгнул с вышки несколько раз – понравилось. После соответствующей подготовки, совершил уже по-настоящему два прыжка с самолёта в составе группы. Получил значок парашютиста.

Те годы в Витебске я вспоминаю с теплотой, военной специальностью был положительно доволен.

Мы, молодые офицеры, полные сил и энергии, жили на квартирах. Дисциплина царила строгая, не допускающая вольностей. Свободное время проводили интересно.

В памяти сохранился вечерний концерт Леонида Утёсова и его дочери Эдит. Популярность Утёсова – просто бешеная. Помнится и билеты были тоже «бешеные», т.е. очень дорогие.

В конце лета 1939 г. я находился в отпуске в Гуте у родителей. Уже готовились к свадьбе.

Неожиданно мне доставляют нарочным и вручают лично срочную телеграмму командования, без объяснения, обязывающую незамедлительно прибыть к месту службы. Отпуск и приготовления прерываются.

Срочно выезжаю в Витебск. Там всю идёт подготовка, погрузка техники и личного состава в эшелоны к переброске на новое место дислокации.

Через двое суток мы уже находились в эшелоне, увозившим нас на восток. В поезде узнаём, - в связи с военными событиями на реке Халхин-Гол, наша часть направляется в Забайкалье.

В пути запомнился проход эшелона через тоннели озера Байкал (в те годы их было, кажется, 134), а также остановка на станции Чита.

В Читу прибыли вечером, поезд остановился и мы высыпали на перрон. Купили свежего, ещё тёплого (боже, какое счастье!) белого хлеба. Всю дорогу ведь питались только сухим пайком, грызли сухари и пили чай.

Вскакиваем в вагоны, и поезд отправляется. Ломаем хлеб руками, вдыхая аромат, хлеб оказался с изюмом. С аппетитом едим. Чувствуется по вкусу, - изюм не сладкий. Присматриваемся к хлебу, - сюрприз, не изюм это, а мухи. Выковыриваем и продолжаем жевать с меньшим аппетитом.

Эшелон прибыл на станцию Борзя Забайкальской железной дороги. Место дислокации авиаполка – посёлки Чиндант-I и Чиндант II возле Борзи.

Наш авиаполк был включён в 43-ю авиадивизию, входящую в состав 16 армии, которой командовал генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

По прибытию в Забайкалье, сразу попал в госпиталь – дизентерия.

Вскоре начались армейские будни. Службу продолжал в прежнем качестве – ст. военфельдшер авиаполка.

1940 г.

В один из летних вечеров 1940 г. в городском парке Борзи, на танцах к девушке подошёл военный, как ей показалось в сумерках, значительно старше её, и спросил: «А почему Вас вчера не было на танцах?»

- Уезжала в командировку, - ответила та.

Немного поговорив, девушка ушла.

В общежитии, где она проживала с подругами, рассказала им: «Сегодня познакомилась с военным, старый-старый, у него, наверное, пятеро детей».

Она ещё не знала, когда он её впервые увидел, у него разбилось сердце.

Вечером следующего дня, на танцах вчерашний знакомый снова подошёл к этой девушке и вежливо пригласил её на танец.

Военный был в голубой лётной форме лейтенанта и пилотке. Высокий, стройный, красивый.

Она положила ему руку на плечо, он обнял её за талию, и пара закружилась в вальсе под музыку духового оркестра.

Через два месяца они поженились.

Счастливые молодые зарегистрировали брак в ЗАГСе г. Борзя 19 октября 1940 года.

Этими счастливыми людьми были **мои будущие родители**

Георгий Матвеевич и Елизавета Васильевна.

Елизавета Васильевна,
1940 г.

Георгий Матвеевич,
1940 г.

Молодожёны поселились на частной квартире, сняли отдельную комнату в доме по улице Новоборзинская. В первые месяцы совместной жизни Елизавета Васильевна сильно угорела, что едва не закончилось трагически. Дело было так.

Проводив мужа рано утром на работу, она преждевременно закрыла отапливаемую каменным углём печь, прилегла и уснула. Очнувшись с трудом, но смогла встать с кровати на ноги, упала и ползла, теряя сознание, к двери.

Дверь долго не могла открыть, навалившись на неё, с трудом открыла и упала, потеряв сознание, перевалившись через порог – ноги в комнате, голова снаружи. Пострадавшую, лежащую без сознания, обнаружила хозяйка, возвратившаяся со смены, домой.

Работая в системе районного отдела народного образования, Елизавета Васильевна часто выезжала по заданию в населённые пункты Борзинского района с проверками, к работе относилась исключительно добросовестно.

В марте 1941 г. мои будущие родители выехали в БССР на родину мужа в Гуту, где решили провести свой отпуск (мама была в положении).

По пути заезжали к родителям Елизаветы Васильевны, после – в Кинешму, заходили в педагогический техникум, где встречались с директором, а далее выехали поездом в Белоруссию по маршруту Москва-Минск-Бобруйск.

На ж.д. вокзале Бобруйска Елизавета Васильевна увидела супруга, разговаривающего с молоденьким солдатом. Позже она узнала: солдат односельчанин мужа, учились в медицинском техникуме на разных курсах.

Этого солдата Елизавета Васильевна увидит второй раз уже после войны, он станет их хорошим соседом на улице Володарского в Кировске: Леонид Никифорович Чайко.

Пешком пришли в д. Щатково, возле которой строился мост через Березину. Среди рабочих-строителей находились старшие братья Андрей и Сергей. Встретившись, все вместе пошли в Гуту.

В деревне Елизавета Васильевна познакомилась с белорусскими родственниками, из Столпищи пришли Марфа (сестра Юры) и её муж Яков. В Гуте отсутствовала только младшая сестра Настя, бывшая на учёбе.

- Оставайся у нас в деревне, здесь родишь ребёнка. У нас корова, свежее молоко, оставайся, - уговаривала свекровь Зинаида Фоминична новую невестку.

Но ... закончился отпуск, и семейная пара в апреле 1941 г. возвратилась в Борзю к месту службы Георгия Матвеевича.

«В конце апреля 1941 г. я беседовала с мужем, - вспоминает Елизавета Васильевна.

- Знаешь, Юра, говорят, Германия сосредоточила свои войска на границе, наверное, будет война.

- Ты, что, шпион? Я работаю в штабе и ничего такого не знаю. Кто тебе сказал?

- Бабы на базаре говорили.

- Слушаешь всякие бабские сплетни.

В мае Юра мне говорит:

- Лиза, наши армейские части переводят на Запад, на Украину. Уже грузят эшелоны. Медслужбу и тыловые части отправляют через месяц.

- 22 июня 1941 г. в 06.00 часов местного времени (московское время 22.06.00.00 часов), - продолжает вспоминать Елизавета Васильевна, - Я проводила мужа в часть, его эшелон отправлялся на Запад.

Расставаясь, Юра сказал: «Ты рожай здесь, в Борзе. Устроюсь на новом месте, вызову и заберу тебя к себе».

Этому уже не суждено было сбыться. Через четыре часа после того, как мы расстались, началась война, которая перечеркнула все наши планы и изменила наши судьбы.

- Когда Юра ушёл, - продолжает Елизавета Васильевна, - Я прилегла и уснула. Проснувшись, вышла на улицу и вижу заплаканных и встревоженных людей.

- Что случилось?

- Война! Германия напала на СССР. Сейчас Молотов выступал.

Так я узнала о начале войны. Бросилась назад в дом, включила репродуктор-тарелку: по радио транслировалась музыка.

Юра о нападении Германии узнал в поезде, они ещё не доехали до Читы. Эшелон шёл уже на войну.

Писем от Юры не приходило, я была в полном неведении, где он находится. Жив ли?

Однажды возвращалась ночью из Читы в Борзю, в поезде приснился сон. Будто у меня со стола упал будильник и разбился, все детали (колёсики и винтики) разлетелись в разные стороны. Я начала собирать рассыпавшиеся детали, и замечаю, что не хватает одного винтика, никак не могу найти деталь. Долго-долго искала и, наконец, нашла. Сразу проснулась.

По приезду домой, попросила хозяйку, у которой жила, объяснить сон.

- Сон этот вещий. Ты долго не будешь знать, что с твоим мужем, но ты всё равно его найдёшь. Эта война не будет долгой. Немцев разобьют, и закончится она в Праге. А вот когда начнётся война на Востоке, она будет долгая, будет страшная. Помни об этом, - изложила толкование моего сна хозяйка».

Георгий Матвеевич вспоминает момент получения известия о начале войны: «Объявили о нападении Германии на Советский Союз в поезде, подъезжая к Чите.. Первые мысли были: Женился. Семья. Счастливая семейная жизнь. Жена беременная, ждём первенца ...неудачное время для войны. Неудачное.

Эшелон проследовал на Москву, разгрузка производилась западнее столицы. Забайкальская армия была выведена в резерв Ставки ВГК, укомплектована по штатам военного времени и вошла в состав Западного фронта. Части первого формирования участвовали в Смоленском сражении.

Осенью 1941 г. наши части дислоцировались в районе Вязьмы».

Примечание автора

ВЯЗЕМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (катастрофа) 2-13 октября 1941 г. – оборонительная операция Западного фронта (командующий И.С. Конев), с 10.10. – Г.К. Жуков) закончилась поражением Красной Армии.

Силами немецкой группы «Центр» удалось прорвать оборону советских войск и окружить западнее Вязьмы 4 армии в составе 37 дивизий, 9 танковых бригад 31 артполка. Безвозвратные потери Красной Армии превысили 300 тыс. человек, в плен попало свыше 600 тыс. человек. Дорога на Москву была открыта. В советской историографии о катастрофе под Вязьмой не принято было вспоминать. Замалчивались как цифры потерь, так и просчёты командования.

6 октября 1941 г. советским командованием был дан приказ об отходе. Однако отвод войск, в условиях ожесточённых боёв и частичной потери управления, осуществить не удалось. Из окружения удалось вырваться лишь около 85 тыс. человек. 7 октября враг замкнул кольцо. Таким образом, немцы создали 500 км брешь в советской обороне.

Общее руководство прорывом было возложено на генерал-лейтенанта Лукина М.Ф.

Предполагалось осуществить прорыв с ходу, в процессе отхода, а это обрекало войска на заведомое поражение. Внезапно резко изменилась погода, с 7 октября осень превратилась в раннюю зиму, затяжные дожди сменились снегопадом и метелью.

Генерал-лейтенант Лукин вспоминал: « ... положение окружённых войск резко ухудшилось. Снарядов мало, патроны на исходе, продовольствия нет. Питались кониной и тем, что могло дать население. Закончились медикаменты и перевязочные материалы. Кони, люди, техника перемешались.

С 14 октября войска действовали только в составе небольших групп, прорывавшихся в разных направлениях и обходивших, по возможности, немецкие заслоны. Многим группам удалось избежать встречи с противником. Действовали они каждый по-своему, по-разному сложились и судьбы входивших в их состав военнослужащих».

Лукин Михаил Фёдорович - генерал-лейтенант (1892-1970).

С июля 1940 г. командующий 16 общевойсковой армией в составе Забайкальского военного округа в г. Борзя. С 16 апреля, накануне войны, была

выдвинута из Забайкалья (последний эшелон 22.06), выведена в резерв Ставки ВГК и с 14.07.1941 г. включена в Западный фронт.

В октябре 1941 г. возглавил окружённую в районе Вязьмы группировку советских войск. Тяжело раненый, контуженный, попал в плен. В плену ему были ампутированы рука и нога. В мае 1945 г. был освобождён из плена союзниками. На Родине подвергнут проверке. После резолюции И. Сталина «Преданный человек. В звании восстановить, на службе не притеснять», был оставлен в армии. С 1946 г. в отставке. Умер в 1970 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище г. Москва.

Посмертно в 1993 г. присвоено звание Героя Российской Федерации. Ему принадлежат слова, сказанные одному писателю-историку незадолго до своей смерти: «Пока живы Конев и Будённый, вы никогда не узнаете всей правды, что случилось под Вязьмой».

Неоднозначно оценивают Вяземскую катастрофу некоторые исследователи (Л.Н. Лопуховский «1941. Вяземская катастрофа» М.2007; Ю.И. Мухин «Если бы не генералы. Проблемы военного сословия». М. 2006)

12 октября 1941 г. Ставка приказала генералу Лукину возглавить все 4 армии, попавшие в окружение.

Лукиным был подготовлен приказ, доведённый личному составу, как самое худшее решение. В приказе даётся краткий и самый мрачный анализ сложившейся обстановки, и делается ссылка на требование выходить из окружения во чтобы то ни стало. Войскам приказывалось сжечь автомашины, взорвать матчасть артиллерии, и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно.

Из всех решений было выбрано самое наихудшее. Армия погибла, не будучи побеждённой противником. Командование признало себя побеждённым, преждевременно и распустило армию, предоставив её побеждённым бойцам самим заботиться о своей участи.

Приказ был незамедлительно доставлен в дивизии нарочными офицерами. А когда его содержание довели до сведения личного состава, произошло то, что должно было произойти.

Нельзя было не заметить, что задача понята своеобразно, «спасайся, кто может». Наблюдалась неприглядная картина, поправить которую уже возможности не было, да никто и не пытался исправить. Всякая связь штаба армии с дивизиями прекратилась, вступили в свои права неразбериха и самотёк. К вечеру 12 октября командование и штаб армии сложили с себя свои полномочия управления войсками.

Командиры дивизии поступили так же. Командиры многих частей и подразделений выстраивали подчинённых на лесных полянах, прощались с ними и распускали.

На местах построения можно было видеть брошенные пулемёты, лёгкие миномёты, противогазы и другое военное снаряжение.

Солдаты и офицеры объединялись в группы различной численности и уходили большей частью в неизвестность. В некоторых соединениях личный состав с лёгким ручным оружием начал поход в составе частей и

подразделений, но с течением времени, встретившись с трудностями, эти части и подразделения также распадались на мелкие группы. По сути, войсковая группировка прекратила организованное сопротивление и разошлась кто куда.

В окружении армия вела бои только 5-6 дней. Это кажется невероятным, этому трудно поверить. И, тем не менее, это так. Войска нуждались, прежде всего, в квалифицированном, твёрдом и авторитетном руководстве, чего, по существу, не было.

Лукин, изрядно осмелевший после смерти Сталина, возложил всю вину на Коневу и Будённого. Никто не спорит, что и они виноваты. Но вот за то, что произошло в окружении – за это должен быть ответить Лукин.

2.10.1941 г. в 5.30 немцы нанесли удар танковой группой (генерал Гот), а 13 октября всё было закончено. Окружённые войска прекратили сопротивление.

Свое решение в приказе Лукин даже не сообщил в Ставку.

Из воспоминаний Георгия Матвеевича

С 1 сентября 1941 г. армия занимала оборону на рубеже Осташков – северо-западнее Вязьмы. С начала октября вела бои в районе Вязьмы.

5 октября осенние светлые дни сменились ненастьем. Уже несколько дней шёл дождь со снегом, дул холодный ветер. Неумолимо приближались холода. В эти дни получили зимнее обмундирование.

Вокруг тревожно полыхало зарево пожаров, ночную тишину то и дело рассеивали вспышки ракет и прорезали огненные строчки трассирующих пуль.

На следующий день наше положение осложнилось. Когда стало ясно, что противник по флангам продвинулся далеко и теперь пытается взять нас в кольцо, был приказ отходить. А куда? 7 октября немцы замкнули кольцо.

Как после нам стало известно, в ночь на 6 октября армия начала отходить от реки Вопь к Днепру. Это западнее Вязьмы, где находилась и наша часть. По дорогам двигались танки, бронетранспортёры, колонны солдат.

Прорыв, не имевший успеха, намечался в районе Богородицкое на Гжатск.

Эти дни октября оказались для нас весьма непростыми.

Непрерывное движение, постоянное изменение маршрута, неопределённость вносило тревогу и сеяло панику среди личного состава. Противник всё чаще оказывался впереди и вокруг нас. «Мы в окружении, мы в «котле», - тяжело было слышать эти слова среди бойцов.

13 октября войска разделились на две группы. Весь день не утихали перестрелки, но это уже вели бои отдельные разрозненные подразделения.

В одном из таких небольших подразделений я и оказался в силу складывающихся обстоятельств. Мы шли по густому сумеречному лесу, пробиваясь сквозь кусты, шли молча. Не помню названия речки в районе шоссе Смоленск-Вязьма, но чтобы двигаться дальше, необходимо её преодолеть. Мост на переходе был полуразрушен, и когда мы подошли на переход, прямо по колонне ударил немецкий миномёт. На этой же стороне реки с высоты в

пределах видимости, я бы сказал, совсем близко, немцы установили миномёт и начали обстрел.

Было видно, как стоящий в окружении солдат, немецкий офицер корректирует огонь. Мины падали в непосредственной близости, появились убитые и раненые. Люди начали разбегаться. Поднялась суматоха. Несколько наших солдат начали окружать миномётный расчёт.

- Я сейчас его сниму! – крикнул один красноармеец, кажется, младший командир. Встал на колени, и с винтовки, прицелившись, с первого выстрела «завалил» офицера. Было хорошо видно, офицер, выронив бинокль, начал падать назад. Его подхватили под руки немецкие солдаты, стоявшие рядом.

Миномёт бил не переставая. Люди бросались в реку, и преодолевали её по шее в ледяной воде. Мины падали в речку прямо на головы бойцов, вздыбливая воду, но люди всё плыли и плыли...

Я сразу прикинул: надо срочно уходить из под огня миномёта, а потом уже преодолевать реку. Спустившись берегом вниз по течению на безопасное расстояние, сразу вошёл в реку, держа вещмешок и санитарную сумку в руках над головой. Глубина оказалась мне по грудь.

За рекой находилось поле. Все уцелевшие быстро шли и бежали по полю к виднеющемуся лесу. Подморозило и одежда задубела. Поле было покрыто окопами и, почти полностью развороченными снарядами, ходами сообщения. На бруствере торчали обломки пулемётов, валялись пустые пулемётные ленты, стреляные гильзы, из-под груды земли виднелись ноги убитого пулемётчика. В окопах лежали трупы наших солдат. Здесь велись бои и держали оборону наши войска.

Вошли в лес. Ночь скоротали в лесу, она прошла тревожно. Обсушились у костра, не спали. Уже светало, когда поднялась стрельба. Нас и тут прижали. Били миномёты, пулемёты. Откуда идёт стрельба, сразу и не понять. Стали разбегаться по лесу, и были рассеяны на ещё более мелкие группы.

Нас собралось человек 10-15 из разных частей. Сутки или больше ходили по лесу, кустарникам, болоту, всё дальше удаляясь на восток, юго-восток, то тут, то там натыкаясь на заслоны немцев.

Мороз усиливался. В деревнях немцы, обсушиться и обогреться негде: развели костёр.

Вскоре к костру вышли два человека в гражданской одежде, представились сотрудниками особого отдела 19 армии.

- Есть ли среди вас врач? – спросил один. Сидящие у костра повернулись ко мне, - у меня на боку висела санитарная сумка с красным крестом.

- Я фельдшер.

Особисты отозвали меня в сторону, потребовали удостоверение и, изучив его, сообщили, что необходимо оказать помощь, перевязку, возможно, сделать операцию тяжелораненому командиру.

- Операцию может делать только врач-хирург, - говорю им, - а ассистировать, т.е. помогать хирургу, и сделать перевязку, смогу. Но, у меня нет инструмента, и практически закончились перевязочные материалы, так, осталось несколько индивидуальных пакетов, вата.

- Не требуется, это есть. Следуйте за нами. Врача ищем, врач будет.

Мы двинулись по хмурому лесу, проводники хорошо ориентировались на местности, шли быстро. Пока шли, спросил о характере ранения.

- Нога, - был ответ.

Примерно в двух-трёх километрах вышли на поляну, заросшую низкорослым кустарником. Среди кустов виднелось несколько землянок, стоял часовой. Видимо, здесь было место расположения полевого штаба какой-то части.

Меня привели в одну из землянок. Единственная свеча слабо освещала помещение изнутри. За столиком сидели три офицера, разговаривали.

- Располагайтесь. Можете пока отдохнуть, прилечь, обсушиться. Вас позовут, - особист с моим удостоверением в руках ушёл.

Наскоро пожевав остатками хлеба и выпив кипятка с кусочком сахара, я расположился у печурки. Снял сапоги, и вместе с портянками пристроил просушить. Офицеры за столиком тихо разговаривали, не обращая на меня никакого внимания. Я прилёг на нары. Сон сразу сморил меня, сказались несколько бессонных ночей, проведённых на ногах. Как долго я дремал? Может десять минут, может больше.

Внезапно очнулся от грохота, взрывов, выстрелов и криков.

Поднялась суматоха и неразбериха. Толкаясь и спотыкаясь в темноте, не помню как, выскочил из землянки. Вокруг творилось что-то невообразимое. Мы были захвачены врасплох. Из землянок выскакивали, кто в чём, люди и разбегались в разные стороны, попадая под автоматный и пулемётный огонь.. Среди выстрелов из автоматов и пулемётов, слышались команды на немецком языке, немцы стреляли в упор, и бросали в землянки гранаты. Наши кричали, немцы кричали.

Я тоже закричал, ругаясь и поминая чью-то мать, сделав на ходу несколько выстрелов из пистолета влево и, перед собой, в стоявших боком ко мне, совсем рядом, немцев, бросился в лес, с ходу налетел на какой-то блиндаж, бросился в сторону, перепрыгнул через лежащего человека, и устремился вглубь леса, прочь от этого места.

Не знаю, стреляли ли в меня прицельно, попали ли мои пули в цель? — меня даже не ранило.

Не пробежав и 200 метров, я больно ударился большим пальцем правой ноги о торчащий пенёк, зацепился и полетел носом в снег, выронив, при этом, пистолет. Боль в ноге ужасная! Торопливо ползая на четвереньках, лихорадочно начал «шарить» руками по снегу в поисках пистолета и ... не нахожу его. Время идёт, а пистолета нет. Стрельба совсем рядом, казалось, вот-вот дадут очередь в спину, тороплюсь, ползаю, разгребаю снег и ... наконец, вот он — отлетел в сторону под снег. Хватаю пистолет, подхватился и бегу дальше, натываясь на сучья, кусты, деревья.

Только сейчас осознаю, - бегу-то босиком, сапоги и портки остались у печки, там же остались шапка и перчатки. О возвращении не могло быть и речи. Бежал до тех пор, пока не почувствовал, что бегу на «деревянных ходулях» - ног не чувствовал, не ощущалось уже и боль в сломанном (как

оказалось) пальце ноги. Отчётливо слышен скрип снега под босыми ногами, а ступни совсем онемели.

Морозец несильный, однако, для босого человека, бегущего по снегу, очень даже приличный.

Надо было что-то срочно делать, иначе отморожу ноги окончательно, и это будет капец.

Остановился, огляделся, прислушался.

Вечер. Ветер качает верхушки густого хмурого леса, на кустах лежат шапки снега.

Слышались далёкие-далёкие раскаты взрывов и выстрелов. Меня никто не преследовал. Это хорошо. Убрал пистолет и, не отдышавшись, начинаю разжигать костёр. От бега и перенесённого потрясения тряслись руки и мне, выросшему в лесной деревне, кому лес – родная стихия, удалось разжечь костёр, только испортив три спички.

Костёр разгорался и, растирая ступни ног снегом, начал интенсивно их спасать, одновременно прислушиваясь и оглядываясь вокруг.

Как же так получилось? Часовой стоял и ... проморгать нападение! Или особисты – это диверсанты, заманили офицеров для пленения и уничтожения всех разом, чтобы не бегать за каждым, или немцы сняли часовых, а остальное дело техники. Не находил ответа.

Одно ясно, только хорошая физическая подготовка, занятие спортом, спасли меня сейчас от явной смерти или плена.

Прошёл час, пока мои ноги совсем отогрелись и «стали проситься» в какие-нибудь тёплые валенки или хотя бы в сапоги, оставленные в землянке, из которой эти ноги я только, что еле-еле унёс, или ноги унесли меня.

С пальцем-то проблема, болит палец, сильно болит.

Провёл ревизию, что при мне, а что потерял.

В землянке остались: сапоги и портянки, шапка, вещмешок, санитарная сумка; нет удостоверения. В вещмешке: свёрнутая плащпалатка, запасная пара портянок, зимние перчатки, пачка махорки, несколько сухарей, концентрат супа, электрический фонарик, ложка, кружка, котелок.

В санитарной сумке: перевязочный материал, ножницы, некоторые медикаменты, иголка, нитки, несколько кусков рафинада (сахара). Это – минус. Остался жив – это плюс. Сработал инстинкт самосохранения и немного везения.

На мне: тёплый меховой комбинезон лётчика (он меня здорово выручил при выходе из окружения), под ним брюки в сапоги и гимнастёрка, рубашка, нательное бельё (кальсоны и рубашка).

При мне: португеза с брючным ремнём, кобура с пистолетом ТТ и 2 обоймы, одна полная, во второй 3 патрона и один в канале ствола, т.е. всего 12 патронов, фляжка. *В карманах:* два неполных коробка спичек, перочинный ножик, наручные часы, носовой платок. *Из документов,* - только комсомольский билет. Всё.

Принимая решение по утеплению ног, прикидывал, что порвать для их: обмотки, кальсоны или исподнюю рубашку. Разорвал рубашку, и, обмотав ноги

кусками материи, начал движение, точнее сказать, ковыляние, палец болит, спасу нет. Мало чувствовалось, что иду в обуви, да и «обувью» приспособление назвать было трудно. Вот, если бы сверху на обмотки да лапти, тогда совсем другое дело.

Если бы, да кабы. Ноги стали мёрзнуть.

Мороз не прощает и строго наказывает тех, кто бежит зимой в лесу по снегу и бурелому босиком, без шапки и рукавиц.

Требовалось какое-то кардинальное решение по обуви, но оно пока не находилось. К исходу второго дня услышал шум на лесной дороге, разговор, прислушался, - свои, идёт группа, человек 10-12. Вооружены, винтовки, пулемёт.

Вышел навстречу. Остановились. Старший команды капитан-артиллерист спросил: «Кто такой?».

Быстро излагаю о случившемся со мной.

- У нас было два столкновения с немцами, в бой не вступали, боеприпасы заканчиваются. Вторые сутки на ногах, жратва закончилась. Надо скорее пробиваться, выходить из этих лесов. Немцы сжимают кольцо, кругом загранотряды, - быстро подытожил капитан, - Становись в строй.

- У меня нет сапог, - напомнил я.

- У нас нет запасных, по ходу что-нибудь придумаешь, - закончил он разговор и дал команду на движение.

Ковыляю замыкающим в колонне, чтобы успевать, прыгаю на пятке. Отстаю. Ну и походка у меня. Плетусь сзади. Такое ощущение, будто идёшь в похоронной процессии за собственным гробом.

По разговорам узнаю, что в шести километрах должна быть деревня, держим курс на деревню. На развилке старший объявляет привал, вперёд высылается разведка. Костёр не разжигали. Все постарались задремать или как-то передохнуть.

Я перемотал онучи, пристроился под кустом, задремал. Не знаю, долго ли я был в таком состоянии, сказала усталость и сильное переживание, стресс.

Очнувшись, я с ужасом обнаруживаю, что людей, с которыми я шёл, рядом нет. Как так случилось, что я ничего не слышал и меня никто не окликнул, когда команда снималась с места? Ответа я не нахожу до сих пор.

Тут замечаю недалеко спящего красноармейца. Обрадовался, подхожу к нему, толкаю: «Вставай, друг! Проспали мы. Вставай»

Замечаю, разговариваю-то с трупом. Причём, боец, скорее всего, не из этой команды, тело совершенно окоченевшее и лежало здесь, вероятно, ранее, припорошённое снегом. Убедившись, что солдат мёртв, решил забрать его сапоги, ведь они ему уже не нужны.

Стаскивая сапоги, почувствовал, - кость в бедре у бойца раздробленная, хрустит и сапог был внутри весь в крови. Снегом почистил сапог изнутри от крови. Солдат оказался маленьким, щупленьким, только на босу ногу и с трудом натянул сапоги, причём ногу с разбитым и распухшим пальцем еле-еле втиснул. Ну, какая же это будет ходьба? Сапоги очень сильно жмут. Идти

оказалось действительно проблематично, хромота сдерживала ход. Пришлось выломать суковатую палку, чтобы опираться при ходьбе.

Шапка также оказалась маленькая, пришлось её немного распороть сбоку и завязать клапана на затылке, чтобы уши были открыты, слышать все звуки.

Больше у бойца ничего не оказалось, даже медальона, не знаю, кого благодарить. Рядом лежала винтовка, однако не было ни одного патрона. Видимо, боец погиб, расстреляв все боеприпасы, и умер из-за ранения и потери крови.

Накрыл солдата его окровавленной плащпалаткой. Спасибо тебе, солдат.

Потихоньку, хромя на обе ноги, поковылял по лесной дороге навстречу неизвестности.

Итак, я остался один.

Это произошло 17 октября 1941 г.

В бесплодных поисках путей выхода из окружения прошла почти неделя.

Ещё в студенческие годы приобрёл вредную привычку – курил. Военное лихолетье не избавило меня от этого. В лесу изготовил (вырезал из дерева) курительную трубочку и приготовил курительную смесь. Взял сухой лист дуба и ольхи, не упавший и задержавшийся на деревьях, добавил мох, пробовал и лишайник, растёр руками. Получилась «адская смесь», глубоко затянешься – глаза на лоб, слёзы из глаз, сопли из носа. Курил только один раз в сутки, когда разжигал костёр, сэкономил спички. А в деревнях, если повезёт, могли угостить махоркой или табаком.

Где-то в середине октября принял решение двигаться на Запад, в родные места и, если повезёт, то добраться до Гуты, не зная, что там сейчас, живы ли родители? Другого выхода не находил.

Мне казалось, именно так надо поступить. Там, на родине, смогу определиться и принять решение, как бороться с этим злом, которое обрушилось на страну. Нужны единомышленники, обязательно. Что сможет сделать один человек в тылу неприятеля?

Сейчас я окружён врагами и остро ощущаю своё одиночество, но отчаиваться не буду. Из любой ситуации есть два выхода: правильный и неправильный. Ищи правильный. В какую сторону ни идёшь: к фронту, на юго-восток – опасно, домой – тоже опасно. Значит, иду домой.

Смелости и решимости у меня хватит, хватит ли физических сил дойти полуголодным и со сломанным пальцем на ноге. Нога требует покоя, а тут, наоборот, тяжёлые физические нагрузки, и немцы на каждом шагу.

Твёрдо знаю, уверил себя, - если придется погибнуть, я должен, просто обязан, убить одного-двух, а повезёт, то и больше немцев.

Пистолет держать всегда наготове, патрон в канале ствола, остаётся только снять предохранитель.

Выбор сделан. Иду домой.

Придется пройти более 400 километров по занятой врагом территории Смоленской и Могилёвской областей; обходить населённые пункты, занятые немцами, пытаюсь «что бог пошлёт», терпя тяготы и лишения, скитаясь по

заснеженным лесам и болотам в поисках пропитания, когда любой шаг и поступок мог оказаться последним. Идти, не зная, что ждёт тебя за поворотом.

Не всегда удавалось идти незамеченным. Памятной осталась неожиданная встреча с немцами где-то в Смоленской области. Редкие кустарники, разбросанные по заболоченным лугам, ближе к лесному массиву, переходят в густые заросли. Пробираясь сквозь них, через лес выхожу на далеко тянущееся незамерзающее болото.

Куда я вышел? Спросить дорогу не у кого. Надо обходить. Обхожу, иду по зарослям, переходящим в редколесье. Лес заканчивается, и вижу дорогу в 100-200 метрах. Опасаясь двигаться по дороге, шёл вдоль кромки леса, не теряя дорогу из виду, как ориентир направления.

Шёл долго, в некоторых местах дорога подходила к лесу совсем близко, может 50 метров или ближе.

Именно в таком месте, за поворотом, я вдруг увидел впереди колонну немецких грузовых машин. Я не слышал шум моторов, шёл осторожно и прислушиваясь; машины стояли и двигатели не работали.

Резко бросился вглубь леса, считая, что немцы меня не успели заметить. Однако, сидящим сверху в кузовах, наверное, лучше было видно, чем мне. Раздались автоматные и одиночные выстрелы. Пули вспарывали снег то слева, то справа, ударились в кусты, в деревья.

Опять своевременно сработал инстинкт самосохранения или просто повезло: ни одна пуля меня даже не задела. Стрельба быстро закончилась, а я, опасаясь погони, бежал и бежал и, о дьявол! Лес закончился, и я выскочил на поле или луг. Оказывается, я шёл вдоль лесной полосы шириной не более 300 метров. Далеко за полем виднелась стена леса.

Бежать по полю глупо, - видно всё как на ладони. Положение отчаянное. Решил, если будут преследовать или попробуют взять в плен, буду стрелять, считая выстрелы, а последний патрон оставлю себе. Но, ... погони не было. Также не слышно, поехали машины или нет. К моему неудовольствию, заметил, что кроме моих следов, других нет. Если захотеть меня догнать, сделать это будет несложно. Но, вроде, обошлось, меня никто не преследовал.

Отдышавшись, начал двигаться вдоль этой лесной полосы, спасшей меня сейчас от гибели. Крадучись, прохожу место, где на дороге через полосу находятся немцы. Слышен шум моторов, доносятся обрывки команд.

Вскоре полоса сомкнулась с лесом, поле или луг остался позади.

Осторожно провёл разведку в сторону дороги. Дорогу обнаружил, оказалась примыкающей и шла куда-то вглубь леса. Нашёл развилку, и стало ясно: машины стояли на развилке, и ушли в ту сторону, откуда я пришёл. Нам не по пути, иду в противоположную сторону.

Напугали, черти. Ладно, доберусь и я до вас когда-нибудь. Большой палец бегом так растревожил, хоть криком кричи. Немчура поганая. Если так бегать, он никогда не заживёт.

Во второй половине дня подошёл к деревне. Начал наблюдение и убедившись, что немцев в деревне нет, зашёл. Неудачно. Ни поесть, ни обогреться, ни переночевать не получалось.

Красноармейцы, беженцы, немцы приходят и уходят, а людям зиму зимовать, чем питаться будут? Часто, очень часто приходилось уходить в заснеженный, морозный лес, уходить голодным.

Вот и эту ночь я провожу один у костра в зимнем лесу. Гоню от себя мрачные мысли. Остался жив, а могло ведь быть иначе. В деревне видел корову, - от свежего творожка я бы сейчас не отказался, со сметаной. Стараюсь себя подбодрить. Пережил трудный день, переживу и ночь.

Старуха с косой упорно отказывается вычёркивать меня из своего списка. Сегодня она подбегала ко мне совсем близко, но ... «дала задний ход». А холодком от неё потянуло конкретно. Наверное, мой внешний вид настолько был неприглядный (заросший, грязный), что смерть опять отсрочила контакт со мной до лучших времён.

К слову сказать, в дальнейшем, мы с ней часто встречались. Подбежит, бывало, нос в нос, улыбнётся, как старому знакомому, а я ей, и бежит дальше.

Что ни говорите, а нужное знакомство, - большое дело. Блат, он и на войне блат. Скажу больше: на войне мы с ней ходили в обнимку.

И что же я так развеселился? Повода ведь пока нет. В жизни бывают и счастливые и горькие моменты. Так, подшучивая над собой, легче переносить тяготы и лишения, сваливающиеся на тебя.

Позитив и оптимизм помогают всё преодолеть.

Хочется есть. Организм требует пищу. Голод – большая и постоянная проблема, которую не всегда удавалось решить в таких условиях. Бывало, и два дня и более оставался голодным, не имея никакой возможности что-нибудь перекусить. Непросто зимой найти еду, когда идёшь, крадучись и оглядываясь.

Однажды пробовал жевать осиную кору. И как её только зайцы едят? Горькая и совершенно несъедобная.

Чертовски жмут сапоги.

В кустарнике наткнулся на павшую или убитую лошадь. Её уже почти всю растерзало зверьё. Однако, из задней части удалось вырезать несколько кусков, наверное, с килограмм, если не больше. Мясо обжарил на костре, опасаясь отравления, съел немножко, сдерживая себя, как бы не сожрать всё сразу. Живот заболел, но обошлось. И болел живот, вероятно, из-за постоянного недоедания. Скорее всего, пустой желудок просто сильно удивился мясу, для него это стало неожиданностью.

Позже, уже не опасался готовить на костре прихваченную с собой конину. Это придавало сил.

Неожиданно разрешилась проблема с обувью.

Пересекая просёлочную дорогу, в кювете увидел полуторку с открытыми дверцами. Машину, вероятно, просто бросили. В кабине всё перевёрнуто. Возле машины валялся полусплющенный солдатский котелок с остатками перловой каши. Расправил котелок, очистил сверху мёрзлую кашу от грязи, выскреб и пожевал остатки. Котелок взял с собой.

Осмотрел машину, особо ценного ничего нет. Но, как говорится, «начните благодарить бога за то, что у вас есть, и он даст, что не хватает». За откинутой спинкой сиденья валялся кусок стёганого одеяла, вернее то, что ранее было

одеялом. Кусок сильно промасленный, грязный, дырявый; использовался, скорее всего, или закрывать капот машины зимой для утепления, или служил в качестве подкладки водителю при ремонте под машиной. Беру этот кусок. В кузове вижу разбросанные открытые пустые ящики, а в одном находились противоипритные чулки, чулки были разбросаны и по кузову. Решение приходит мгновенно. Собираю все чулки, оказалось 9 пар. Быстро ухожу в лес, где занялся изготовлением «обуви».

Разрезал кусок одеяла на две части. Стащил сапоги, обмотал ноги сначала кусками рубашки, потом кусками одеяла и сверху натянул противоипритные чулки. Получилось «неэстетично», на ногах «тумбы», зато ноги оказались «как у бога за пазухой».

Идти мягко, больному пальцу уютнее, а если придётся бежать, то быстро не побежишь. Тонкие, матерчатые, пропитанные спецраствором, чулки оказались не очень прочными, не подходящими для ходьбы по лесу (подошва, правда, была твёрдая, резиновая). Чуть зацепился за сучок, сразу рвались, но они выручили неплохо. На всём запасе чулок прошёл почти полпути.

Тесные сапоги беру с собой, мало ли что.

Мой путь из окружения к родному дому по прямой, вероятно, не превысит 350-400 километров. А фактически он никак не был прямой. Двигаясь по обходным, окружным путям, дорога составила, наверное, все 500 километров. Да и маршрутом этот путь не назовёшь – направление.

Успешно для себя пересёк охраняемую дорогу Орша-Смоленск. На пути р. Днепр, нужно на левый берег, потом пойду на юг.

Удалось найти лодку. Ну, как найти? Приметил её ещё с вечера, привязана была крепко, надёжно, еле справился с цепью, хотел уже бросить и искать что-то другое.

Густой туман непроницаемой пеленой повис над плавнями и спуском к реке в эту памятную ноябрьскую ночь, крошечная мгла. Тихо было на Днепре.

Стащил лодку вниз, взял в руки подготовленный шест. Вперёд. Какое знакомое занятие, сколько раз приходилось рыбачить с отцом на Березине.

Дальше путь лежал на юг, у местного населения уточнял направление, узнавал ориентиры на деревни, дороги, куда ведут, есть ли немцы?

Я понимал, необходимо уйти от центральных дорог, магистралей, железных дорог, городов, поэтому приходилось делать обходные манёвры, причём, дальние.

Зима вступает в свои права, а обстоятельства вынуждают терять время, но иначе нельзя – это делает мой путь менее опасным. Были дни, - пройдёшь и 5-7 км, до 10 км, а порой 1-2 км или вообще ноль, - сидишь, спрятавшись, какмышь, ждёшь удобного момента идти дальше.

Сегодня на хуторе своим внешним видом испугал хозяйку.

Зашёл. Попросил поесть.

- Ничего нет, всё раздала, много людей бродит, - ответили мне.

Уходя, в сенях нагнулся и, сколько смог захватить рукой, сгрёб из свиного корыта «жмёню» толчёного картофеля. Иду и глотаю на ходу – вкуснотище!

У опушки огородная изгородь, гряды и, о счастье! Капусту убрали, а кочерыжки-то торчат из-под снега. Во, попёрло! Сломал несколько, взял про запас. Грызу мёрзлые на ходу – деликатес!

Оглянулся на хутор.

Женщина стоит, смотрит мне вслед, наблюдает. Может, хочет вернуть меня, накормить? И я смотрю на неё выжидающе.

Нет, показалось. Просто смотрит. Ушла.

Одним из ярких запомнившихся эпизодов моего пути безусловно можно назвать момент форсирования реки Прони (приток р. Сож).

Где-то далеко справа остался г. Чаусы. Когда забрезжил рассвет, и на фоне сумеречного неба вырисовывался силуэт обрывистого берега р. Проня, стало понятно, - предстоит ещё одно испытание.

Река не широка, не более 20-30 метров. Середина ноября, а она не замёрзла. Видны тонкие забереги – середина открытая, в некоторых местах полностью перехвачена льдом, но толщина льда 0,5-1 см – ломается сразу.

А что раздумывать, мне надо на другой берег.

Седая Проня много чего повидала на своём веку. Проня – это та река, где в 1944 г. немцы создали глубоко эшелонированную оборону, и река была свидетелем много страшного при штурме немецкой обороны советскими войсками. Но, это произойдёт в 1944 г., а пока на дворе ноябрь 1941 г., и река в спокойной обстановке сейчас будет наблюдать одиночное выступление лейтенанта Красной Армии, так сказать, соло.

Смотрю на другой берег, всё ли спокойно, оглядываюсь.

Никого. Никто не помешает.

Сначала решил переправить сапоги. Крепко скрепил их вместе. И, бросая по льду вдоль берега, провёл эксперимент на предмет скольжения. Результат сомнительный.

Далековато, могут и «недоскользнуть», «остановиться» метров за 5-7 до берега. Придётся сапоги брать с собой.

Полностью раздеваюсь, остаюсь в костюме Адама. Всё имущество заматываю в узел и, держа его над головой в одной руке, ступаю на лёд – ломается, ложусь на лёд – ломается. Начинаю одной рукой ломать лёд, и этой же рукой гребу. Глубоко. Течение довольно сильное, относит на острый лёд и втягивает ноги вниз, наваливаюсь локтем на лёд, ломаю и плыву под углом, течение сносит, и не получается плыть перпендикулярно к берегу по кратчайшему пути. Температура воды – вам лучше не знать.

Наконец, почти добираюсь до правого берега, кладу узел перед собой, ложусь на лёд, ломаю локтями и проталкиваю узел перед собой. Выползаю голым на берег. Финиш. Заплыв закончен. Никого. Тишина.

Растираю тело куском рубашки, одеваюсь во всё сухое. Порядок, лишь бы не заболеть.

Мой поход продолжается.

*«Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода –
Ни приметы, ни следа».*

Эти строки А. Твардовского я прочёл уже после войны. Ощущение правды в стихах было настолько велико, что в памяти возник «ледокол Чайка», ломающий лёд на реке Проня в 1941 г.

Проня – последняя водная преграда, преодолевать которую пришлось вплавь. Мороз стоял уже приличный, водные преграды и водоёмы замерзли.

От местного населения уже стало известно, да и на себе я это ощутил в полной мере, гитлеровцы вылавливают бывших советских военнослужащих-окруженцев, поэтому каждый свой шаг взвешивал до предела. Приходилось постоянно и неусыпно осторожничать.

К деревням подходил и по дорогам передвигался настолько осторожно, что лучше сказать, крадучись, принохиваясь, долго сидел, прислушиваясь к звукам, шорохам.

Важно среди шума леса своевременно услышать несвойственные, посторонние звуки, прежде чем принять решение о дальнейшем шаге. По этой причине путь домой оказался таким долгим, почти два месяца.

За время выхода вырабатывалось обострённое чувство на опасность. Ведя наблюдение за деревнями, где располагались гарнизоны или группы немцев, учился визуально определять численность, замечать вооружение, есть ли возможность зайти в деревню незамеченным и выйти.

Выражение Кузьмы Пруtkова: «Зри в корень!», здесь не подходит. «Зри дальше!» - вот как надо.

Навыки пригодились позже в партизанском отряде.

Запомнилась встреча в одной из деревень Могилёвской области, где напросился переночевать в доме одиноких старика и старухи, внушавших доверие. Немцев в деревне не оказалось.

У хозяина болел большой палец на руке (панариций). Рука замотана тряпкой. Пожилой человек, ещё крепкий, жилистый; от боли не спал уже несколько ночей, и ничего не мог делать этой рукой, весь измучился.

Предложил ему показать мне, как медработнику, больную руку. Сняв повязку и распарив палец от прикладываемой луковичной шелухи, обнаружил большой гнойный нарыв, нарыв можно и нужно вскрывать.

Провёл подготовку: наточил нож, простерилизовал его, обработал самогонкой нарыв и сделал разрез, - брызнул гной. Обработал рану, наложил чистую повязку. Ночь старик спал спокойно.

Утром хозяин был так благодарен, что вручил мне небольшой кусок сала, хлеб, несколько луковиц.

Он также предложил мой комбинезон оставить (обменять) на гражданскую одежду.

- Будешь похож на крестьянина, если задержат немцы, - обосновал своё предложение.

Я согласился, сам уже думал об этом.

Впервые за время скитаний я смог нормально весь помыться тёплой водой, переоделся.

Теперь одежда у меня другая. Ватник (фуфайка) б/у, но не рваная; штаны, рубаха. Избавился от «противоипритной» обуви». Дед дал онучи и лапти, даже шапка-ушанка нашлась, а я оставил ему тесные сапоги.

Старик поведал о своей семье. Семья была большая, а вот остались одни со старухой. Дочки живут в далёких деревнях, свои семьи. Что с ними сейчас, не знают, давно нет вестей. Два сына ещё до войны ушли служить в армию. И от них нет известий. Ещё двое детей умерли в детстве. Остались одни со старухой. Здоровье слабеет, но, ещё «скрипим помаленьку».

Я провёл в этом доме две ночи.

За прошедшим временем не помню имя и отчество этого человека – память о нём сохраняю до сих пор.

- Я был на войне в Первую мировую, - рассказывает старик, - Война на то и война, что всегда идёт с переменным успехом. Бывало и немцы нас сильно били, но и мы им «часто давали дрозда». И в этой войне верх будет за нами – немецкий солдат жидковат против русского. Французы с Бонапартом приходили. И где они? Немцы приходили ... сейчас опять попёрли. И чего немцы лезут? *Усёраўна ж морда іх будзе біта. Цяпер нашым салдатам цяжка. А калі салдату лёгка было?* Выдюжим.

Далеко зашёл германец, но не видеть ему победы, я ж знаю. Нелёгкое это дело, соберут наши силы, да и дадут по хребтине – нелёгкое это дело, а свернут башку немцам. Всем, кто приходил к нам с войной, «пропели жареные петухи».

Так говорил в ноябре 1941 г. на оккупированной территории, живший в глухой деревеньке Могилёвской области старый солдат Первой мировой войны, когда немцы были под Москвой.

Какая вера в свой народ!

От местного населения стало известно, что у немцев появляются добровольные помощники – полицейские. Эти нелюди, идущие служить к захватчикам, становятся хуже своих хозяев, и встреча с ними ничего хорошего не сулит.

Случайно натолкнулся однажды в лесу на человека, окольными путями идущего в направлении Бобруйска. Разговорились. Оказался попутчиком.

- До войны работал заготовителем сельхозпродукции в Слуцке. Был в Ярославле, ездил к родителям. Выехал обратно к семье – война. Попал в переплёт: ни туда, ни сюда. А дома остались жена и дочь. Иду кое-как, не знаю, дойду ли, увижу ли, что с ними? – торопливо, захлёб рассказывал случайный попутчик.

Пошли вместе.

Переночевав в лесу, утром вышли к деревне, домов много, церковь. Наблюдаем – немцев не видно, тихо, ничего подозрительного.

Пошли по улице, не таясь. Неожиданно, навстречу из переулка на велосипеде выехал человек в коротком осеннем пальто с белой повязкой на рукаве. Велосипедист резко остановился, на пояском ремне, в расстёгнутой кобуре виднеется рукоятка револьвера системы «Наган».

- Кто такие?! Куда идёте?! – громко окрикнул он.

- Мы беженцы, идём с окружения домой, в Бобруйский район, там семья, - начал говорить мой попутчик, доставать и показывать какие-то справки и квитанции о сдаче зерна в заготконтору.

А мой мозг лихорадочно соображал: успею ли выхватить пистолет из-за пазухи, взвести курок и воспользоваться оружием, если полицай начнёт доставать свой наган раньше?

Стоит рядом, рама велосипеда между ног, обе руки держит на руле. Схватится за наган, резко толкну его вбок, упадёт с велосипедом, пока освободится от велосипеда, поднимется, я успею «сделать» этого хлопца. Я внутренне напрягся и изготавился, хотя виду не подавал.

А вид наш был совершенно безобидный, затрапезный. Едва взглянув на бумаги, не вникая, полицай громко приказал:

- Идите вот туда, в школу! Я сейчас вернусь, зарегистрирую вас. Пять минут! – сел на велосипед и поехал.

Медленно идём в указанном направлении.

- За вторым домом, где ворота, заворачиваем и бегом в лес, не отставай, - шепчу попутчику.

- Пошли в школу, он должен дать справку, что мы беженцы. Справка – это документ, будет, что предъявить немцам при проверке, - спорит попутчик.

- Чепуху городишь, - возмущаюсь, сжав со злости зубы. В это время проходим мимо старушки, стоит, опираясь на клюку.

- Бегите скорее отсюда, хлопцы. Этот староста наш деревенский, служит у немцев, сам напросился. Несколько наших солдатиков уже увёл на кладбище и там застрелил. В школе полицаи тоже сидят, трое их там.

- Бежим! – бросаю попутчику, достаю пистолет, и рванул по огородам к лесу.

Спутник остался стоять в нерешительности.

Подбегая к лесу, оборачиваюсь, - бежит следом, видимо, решил справку не брать.

Углубившись в лес, услышал его зов. Жду. Подходит. Сразу говорю ему несколько крепких слов и делаю физическое замечание, другими словами, «даю по соплям».

- Дальше пойдём раздельно, каждый сам по себе! – гневно бросаю бывшему спутнику и отворачиваюсь.

Мы разошлись и больше уже никогда не встречались.

Мой путь в места, где я родился, был труден, долог и полный опасностей. Даже не скажу, сколько раз, идя по оккупированной территории, услышав шум на дороге, бросался в сторону и, прячась, маскируясь, переживал, пока вражеский транспорт проследует мимо.

Сколько километров прошёл по лесным дорогам, тропам, продирался через лесную чащу, преодолевал болота, обходя немецкие посты, гарнизоны. Сколько раз приходилось пережидать опасность, лёжа на снегу.

Идти можно было только в светлое время.

Сложно ночью передвигаться по незнакомой местности. Ни зги, ни огонька не видно, да и на засаду легко напороться в темноте.

Сколько ночей провёл один в зимнем лесу, сидя у костра, голодный как волк, и дремал, прислушиваясь к шорохам. Вслушиваясь в тишину леса и слышать только естественный шум леса – нормально и спокойно.

Любой хруст ветки – внимание, опасность! Замри, не шевелись, затаись. Смотри в оба глаза, слушай в оба уха! Этими правилами руководствовался я на протяжении всего пути.

Наконец, в первой декаде декабря 1941 г., грязный, заросший, оборванный, пересёк дорогу Могилёв-Бобруйск в окрестностях деревни Подречье.

В лесу встретил пожилую женщину, тянущую санки с хворостом. Спрашиваю: «По этой дороге я попаду в Гуту? Гута в этой стороне?»

- Ага, - испугалась она и, оглядываясь, заторопилась скорее уйти.

- Немцы в Гуте есть? – спрашиваю вдогонку.

- Не знаю, - бросила та и скрылась.

К Гуте я подошёл с восточной стороны и, ни кого не встретив, лесом обошёл деревню. Я в лесу, где каждое дерево, кустик знаком мне с детства.

Со стороны урочища «Навалищи» стал наблюдать.

Крайняя хата, до которой 100 метров, хата моих родителей. Здесь я родился, рос, отсюда пошёл во взрослую жизнь. Смотрю на отчий дом и моё сердце колотится от волнения, дух захватывает. Какая знакомая и родная до слёз картина!

Утро. Немцев в деревне не видно. Из трубы идёт дым, топят печь. Продолжаю наблюдать. Сюда я приезжал в марте (9 месяцев назад) вместе с беременной женой, мы шли в деревню вот по этой дороге. Как спокойно и мирно было тогда.

Из дома никто не выходит. Не обнаружив ничего подозрительного, выхожу из леса и с волнением подхожу к родному крыльцу. Постучав, зашёл в хату.

Мать занята у печи, отец режет на лавке табак.

Поздоровался и, не назвав себя, попросил поесть, сообщив только, что был на фронте, попал в окружение, иду домой на запад.

Не отказали. Мать подала на стол. Смотрю на родителей, и слёзы наворачиваются на глаза – не узнают.

- У нас сын тоже военный. Он сейчас далеко, на востоке, и не знает, какое горе свалилось на нас, не ведает, что здесь творится, - тихо говорит мама.

Я поел, поблагодарил. Не узнают.

- А можно будет у вас переночевать? – спрашиваю осипшим голосом, сердце просто выпрыгивает из груди.

- Нет, нельзя, - подключился к разговору отец. Немцы запрещают принимать и помогать беженцам. Надо идти на колхозный двор, там

зарегистрироваться и ждать решения новой власти. Сейчас немцев в деревне нет, но скоро могут приехать. Ихнее войско стоит в Любоничах.

Полностью убеждаюсь – мать и отец меня не узнают.

Да и как узнаешь? Грязный, обросший, оборванный, в лаптях, голос простуженный, хриплый. Что общего с подтянутым, статным, счастливым сыном, которого они видели в военной форме весной.

Решаюсь им открыться.

- Нет, никуда я отсюда не уйду, - и улыбнулся.

Мама, увидев у меня во рту золотой зуб, опешила:

- Господи! Егор!

Можно ли описать неожиданное опознание в грязном бродяге родного сына?

У всех сильнейшее эмоциональное волнение и слёзы радости на глазах.

Я кратко изложил отцу и матери обстоятельства, волею судьбы, вынудившие меня оказаться в Гуте. Родители, в свою очередь, рассказали о пережитом за полгода войны под гнётом фашистов. С негодованием услышал о зверствах, творимых местному населению немцами и их прихвостнями-полицаями, при установлении новых порядков.

Опасаясь налётов немцев и полицейских, посоветовавшись с родителями, решили, что ночевать буду в сарае на сеновале, а днём находиться в лесу. Условились и о сигналах: стоит горшок с цветком на окошке, обращённом к лесу – опасность! Нет горшка – можно приходить.

Некоторое время действовали по этой схеме. Вскоре мать сказала: «Будь, что будет. Ночуй в доме, надемся соседи, и сельчане не выдадут». Стал ночевать дома, при опасности скрывался в сарае на сеновале.

Не одну бессонную ночь провёл дома, лёжа на сеновале, обдумывая, что делать дальше. Как разумно организовать борьбу с оккупантами?

Отдохнул уже, хватит прятаться за спины родителей.

Надо искать единомышленников, объединяться и устраивать врагам диверсии, убивать и убивать.

В такие минуты на меня накатывала сильная злоба, ненависть к фашистам за все страдания народа, принесшие войной на советскую землю

Жили наши люди в мире и согласии. Растили детей. У меня семья. Вдруг пришла эта сволочь с войной. И кто вас сюда звал? В окружении немцы заставили меня, как зайца, бегать от них. Они заставили меня при этом голодать, есть дохлую конину, грызть кору деревьев и бегать по снегу босиком; голым, ломая лёд, переплывать реку. Они стреляли в меня, и я чудом остался жив. Нет, господа! Хватит!

Наступила моя очередь устраивать с вами догонялки.

Поменяем роли. Сейчас вы будете бегать от меня, а я догонять и уничтожать вас всеми доступными способами. Теперь вы будете убегать от меня без штанов, и жрать дохлых собак. Вы меня о-очень разозлили.

Я не находил себе места от накопившейся к врагам злобы и ненависти, и был полон решимости на самые крайние меры по уничтожению фашистской нечисти.

Именно это чувство неугасимого гнева стало источником неудержимого, наступательного напора после перехода к партизанской войне.

Каждый, кто не принял новую власть, кто в душе не смирился с участием человека второго сорта на родной земле, стал по-своему проводить более радикальные меры против захватчиков. Происходящие события в окрестных деревнях указывали на начало вооружённой борьбы против оккупантов, - есть уже борцы за свободу, они уже действуют.

Кто-то убил немца, кто-то сжёг машину с имуществом, обстреляли колонну немецких грузовиков, кто-то поджёг склады.

Немцы и полицаи бесятся, бегают в поисках этого «кто-то», а кого искать и где? Растёт и ширится народная ненависть к захватчикам. В любом месте, из-за каждого угла неприятеля стала поджидать смертельная угроза.

В полной мере справедливое возмездие настигало и предателей Родины – полицейских. Жизнь убеждала в сложностях человеческих судеб, - в одном обществе, в родной и соседних деревнях проживают разные по идейным убеждениям люди. Соседи: один ушёл в партизаны, другой служит в полиции. В одной семье: один брат – партизан, другой – полицай. Или, сын в партизанах, отец – в полиции. Брат на брата, отец на сына. Как будто других врагов вокруг не хватает. Как так может быть? Оказывается, может. На свете нет ни одной одинаковой снежинки, а что говорить о людях?

Ну, это их выбор. А мы, защищая свою землю и спасая свой народ от порабощения, давили и давить будем фашистских прихвостней. Никакой пощады! И нет им прощения!

Однажды ранней весной 1942 г. прибежал домой запыхавшийся и взъерошенный мой младший брат Миша.

- Что случилось?

- Сидел в засаде на дороге Морховичи-Думановщина. Появилась машина с немцами. Выскочил и бросил в машину подряд две гранаты, одну за другой. Рывком в лес, а гранаты не взорвались. Немцы такую стрельбу открыли вслед, думал, живым не уйду. Бежал до Гуты без остановки.

- Ты, что, сдурел? Откуда у тебя гранаты?

- Нашёл на месте боя, когда наши отступали. У меня ещё есть, шесть штук.

Недалеко от деревни показал мне спрятанные гранаты. Оказались снаряжённые взрывателями осколочные Ф-1 «лимонки» в отличном состоянии. Почему же не взорвались?

- Кто тебя научил бросать гранаты?

- Никто. Просто бросил в машину со всех сил и бежать.

Оказалось, Миша бросал гранаты, не выдёргивая чеку, гранаты летели как обычные камни.

Вот глупый мальчишка! Рассказал ему, как правильно использовать гранату. Миша был смущён и раздосадован.

Миша показал мне место на Березине, где зимой 1941 г. провалился под лёд и затонул немецкий грузовик с оружием. Грузовик и часть ящиков немцы достали, но достали не всё; при случае, можно будет более тщательно поискать.

Больше никаких глупостей, будем в дальнейшем действовать, всё обдумав и подготовившись. У меня тоже было припрятано кое-какое оружие и немного боеприпасов. А пистолет был всегда со мной, получал ещё в армии.

Весной 1942 г. была установлена связь с партизанским отрядом С.И. Свирида, в мае я уже был в отряде, дислоцировавшемся в Кличевских лесах. Вскоре партизаном стал и мой брат Миша.

Началась моя борьба с врагом в составе партизанского отряда № 537.

Воинская служба и трудовая деятельность **Георгия Матвеевича**

Белорус, образование среднее специальное, беспартийный

Воинская служба

В Вооружённых силах СССР с 01.07.1937 г. по 10.1941 г. – фельдшер, ст. фельдшер.

Воинскую присягу принял 15.09.1937 г.

Воинское звание – лейтенант, присвоено в 1938 г.

На фронте Великой Отечественной войны с 8.1941 г. – 10.1941 г. Западный фронт.

С 5.05.1942 г по 7.1944 г. в 537-м партизанском отряде 9-й Кировской партизанской бригаде им. С.М. Кирова:

- фельдшер с 5.05.1942 г. по 12.1942 г.

(С октября 1942 г. избран членом подпольного райкома комсомола)

- командир взвода с 12.1942 г. по 5.1943 г.

- командир роты с 5.1943 г. по 10.1943 г.

- командир 3-го батальона с 10.1943 г. по 7.1944 г. (численность 327 чел.)

- командир отдельного истребительного батальона по выявлению и уничтожению оставшихся в лесах фашистов и полицейских с 7.1944 г. по ноябрь 1944 г.

Уволен в запас приказом Командующего Белорусским ВО в апреле 1946 г.

Приказом МО СССР от 14.03.1955 г. присвоено звание ст. лейтенант.

С 1972 г. ст. лейтенант запаса в отставке.

Примечание

537-й партизанский отряд действовал на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Могилёвской (Кировский, Кличевский, Быховский, Бобруйский, Осиповичский районы) и Гомельской (Рогачёвский район) областей.

27.06.1944 г. отряд соединился с Красной Армией.

Партизаны вели бои по очищению территории Кировского и Кличевского районов от вражеских опорных пунктов, немецко-полицейских участков. Самостоятельно и вместе с другими отрядами участвовали в разгроме крупных опорных пунктов, в т.ч. в с. Жиличи (май 1943 г.), Любоничи и Подсёлы (май 1943 г.), Столпищи (апрель 1944 г.).

В июне 1942 г. отряд вёл бои за прорыв блокады и выход из окружения из Кличевских лесов. Проводили операции на вражеских коммуникациях Могилёв-Жлобин, Могилёв-Осиповичи, Могилёв-Орша. В августе 1943 г. и июне 1944 г. участвовали в «рельсовой войне» на ж.д. участке Могилёв-Шклов. В апреле 1944 г. подбили 15 автомашин, разрушили 2 моста. В мае 1944 г. уничтожили 22 автомашины, 67,5 км телефонно-телеграфной линии, подорвали 11 мостов. В мае вместе с 538-м отрядом совершили налёт на вражеские опорные пункты в д. Выжары и Виленка, уничтожили штаб батальона 134 пехотной дивизии, радиоузел, 7 автомашин.

(Белорусская Советская энциклопедия. Т.8, стр. 258)

Донесение секретаря Кировского подпольного райкома КПБ Г.Л. Комара и командования военно-оперативной группы (ВОГ) при Кировском подпольном райкоме КПБ о разгроме вражеских гарнизонов в деревнях Боровица, Виленка, Выжары Кировского района 24.05.1944 г.:

В ночь с 22 на 23 мая 1944 г. Кировская ВОГ в составе двух отрядов и 537 партизанского полка произвела разгром трёх вражеских гарнизонов, расположенных в деревнях Боровица, Виленка, Выжары.

Бой за овладение гарнизнами начался в 1.00 23 мая 1944 г. В результате часового открытого боя, доходившего до рукопашных схваток, 537-й партизанский полк иштурмом овладел гарнизоном Выжары.

Бои шли на улицах и в домах. Оглушённые первым иквальной огнём, немцы были в панике, и в течение 25 минут сопротивления не оказывали. Очнувшись, противник бил из окон, но партизаны бросали гранаты, уничтожали немцев и полицеев в домах, очищая дом за домом от фашистов. Неравный бой с превосходящими силами противника, рассчитанный на внезапность и иштурм, был выигран.

Одновременно усиленная рота 537 партизанского полка жгла и разрушала сооружённые дзоты и укрепления в гарнизоны Виленка. Зарево пожаров двух гарнизонов далеко освещало местность. Только через 15 минут, оправившийся противник, сконцентрировавшись на посёлке Выжары, открыл бешеный огонь из скорострельных пулемётов.

Артиллерия из Кировска начала обстрел, но партизаны несли трофейное оружие, вели коней, добивали уцелевших немцев.

537-й партизанский полк под руководством командира полка Борквского, помощника Печень, комиссара Домбровского, начальника штаба Льва, батальона 2-м под руководством комбата Орешко, 3-м под руководством комбата Чайка и 1-м под руководством комиссара батальона Доморода разбил батальон 134-й пехотной дивизии, расположенный в данном гарнизоны для предотвращения нападения партизан на фронтовые отдыхающие части.

При разгроме гарнизонов сожжено дзотов и деревянных земляных стен – 7, сожжено военных кухонь – 2, уничтожена 122-мм пушка -1, сожжён штаб батальона – 1, сожжено караульных помещений – 1, складов разных – 4, сена – 10 тонн, повозок – 15. Уничтожено боем винтовок до 150 шт., пулемётов до

10 шт.. Сожжено складов с оружием – 1, узел связи с аппаратурой, состоящий из 3-х раций, уничтожено полевого кабеля 60 км.

В данном бою взято трофеев: винтовок 11, одеял 5, автоматов ППШ – 2, ранцев 5, наганов – 2, винтовочных патронов 1600 шт, шинелей – 16, лошадей – 4, обуви – 22 пары, плащпалаток – 11, сёдел -1.

В бою потеряно убитыми 17 чел. (из убитых командир роты и 2 политрука), ранено 25 чел. (из них комбат Чайка и один командир роты). Пропало без вести 6 чел., среди них командир 2-го батальона Орешко, при пропавших без вести – немецкий станковый пулемёт, 2 автомата и 3 винтовки.

539-й партизанский отряд под руководством комиссара Прудникова и нач. штаба Лукьяненко в 1.15 овладели крайними домами гарнизона Боровица, но в силу того, что была потеряна внезапность, противник открыл огонь, отряд отошёл без потерь.

538-й партизанский отряд под руководством Швецова, комиссара Аникина, нач. штаба Каранкевича обеспечивал засадами все вероятные подходы противника: со стороны шоссе по дороге Перуново- Охотичи, на развилке дороги на Скачек и засаду на западной окраине дер. Охотичи. Подкреплений противник не бросал, боев засада не принимала.

Секретарь Кировского подпольного комитета КП(б)Б	(Комар)
Командир ВОГ лейтенант	(Свирид)
Нач. штаба ВОГ лейтенант	(Вязельщиков)

(Нац. Архив Республики Беларусь. Ф.3500, опись 4, д. 90, стр. 464-465.
Память. Кировский район, стр. 216.)

Некоторые моменты боя по разгрому вражеского гарнизона в д. Столпищи и обстоятельства получения легкого ранения Георгием Матвеевичем Чайка (апрель 1944 г.)

«В самые тяжелые моменты комбат Чайка, не теряя присутствия духа, решительно пресекал малейшие проявления трусости и паникерства, воодушевлял бойцов личным примером стойкости и отваги»

(Из характеристики Чайки Г.М., данной комиссаром бригады Комар Г.Л. 1944 г.)

Партизаны схватились с немцами и полицейскими на улицах д. Столпищи в рукопашной схватке. Комбат Чайка в распахнутой шинели, с биноклем на груди, стреляя на ходу короткими очередями из автомата ППШ, бежит по улице, увлекая за собой личный состав.

- Вперед! За мной!

На подходе к дому, где засели немцы, в азарте атаки, Чайка прямо перед собой замечает за искусственным барьером полицейского, целящегося в него из

винтовки с положения лежа. Резкое движение, на бегу, стволом автомата в сторону полицая... автомат молчит – патроны закончились.

Времени на раздумывание нет, расстояние менее 5 м.

Чайка на бегу перехватывает автомат двумя руками за ствол, надеясь успеть, просто бросить его в полицейского и помешать тому прицельно выстрелить, и... в это мгновение полицай стреляет почти в упор. Пуля ударяет бегущему в поясной ремень, пробивает обмундирование и больно царапает касательно живот слева.

Комбата уже не остановить. Замах автоматом изо всех сил, будто колет дрова, вся злость и ненависть вкладывается в удар, в этот момент полицейский становится на колено и начинает передергивать затвор винтовки, но второй раз выстрелить уже не успевает.

Страшный удар прикладом ППШ сверху наносится полицая по голове. Кокетливо надетая немецкая пилотка не спасает.

Череп лопается, раскалывается в прямом смысле слова. Полицай роняет винтовку, валится набок и, потом вперед лицом вниз. Треснувший череп открылся, как крышка кастрюли и виден мозг, но, удивительно, крови нет и, вдруг, хлынула из ушей.

Лежащий сучит ногами и затихает.

В это время в стане врага царит паника. Деревня окружена партизанами. Немцы и полицейские все бросают. В избах в хаотичном беспорядке валяются шинели и ранцы. Немало немцев и полицейских прятались в погребах, но они не ушли от пуль наших бойцов.

После боя комиссар спросил комбата Чайку:

- Говорят, это ты «приложил горчишник» полицая? Лежит на улице, полголовы нет.

- Стрелял в меня в упор, гадина, - такой хороший ремень испортил, живот обцарапал, наверное, пьяный. Вот эту пьяную дурь я и выбил ему из головы.

- Мне доложили, он во многих преступлениях отметился, добровольно и с охотой пошел служить к немцам.

- Сейчас ему уже не хочется служить, расхотелось. Отбил я ему всю охоту.

- Собаке собачья смерть, - согласился комиссар.

Во время этого боя получила смертельное ранение сестра Георгия Матвеевича – Марфа (1910-1944), жительница деревни Столпищи. В землянку, где Марфа проживала с тремя детьми (из дома ее с детьми выгнали немцы, поселившиеся там), в ходе боя дали очередь из автомата. Марфе перебили обе ноги. Дети не пострадали, а у Марфы началась гангрена и заражение, через месяц она умерла.

Обстоятельства ранения Георгия Матвеевича (ночь 23 мая 1944 г. д. Выжары)

Пламя и дым окутали деревню. Вот избы, и стрельба становится все сильнее. Еще рывок, и партизаны в деревне. Бой по разгрому фашистского гарнизона достиг своего апогея, партизанский отряд штурмом овладел деревней

Выжары. Бой шел на улицах и в домах, доходивший до рукопашных схваток. Горели несколько домов – в деревне было светло, как днем. Комбат Чайка лично вел свой батальон в атаку.

В узком проходе между двумя улицами навстречу выскочил немец и, бросив под ноги бегущему гранату, скрылся. Чайка увидел упавшую возле него гранату, отпрянул к плетню, повернувшись лицом к гранате, но на землю лечь не успел – граната взорвалась. Взрыв громкий, звонкий, как всплеск, даже теплом лицо обдало.

Комбат сразу и не понял, что ранен, - продолжал вести бой и командовать.

После боя, садясь на коня, почувствовал боль в колене левой ноги, в сапоге хлюпала кровь.

Осколок немецкой гранаты пробил коленную чашечку и в ней застрял.

Замечание Чайки Г.М.

Партизанские методы ведения боёв во многом основываются на внезапности, позволяющей меньшими силами добиваться победы над более крупными силами противника. «Высшим пилотажем» считались локальные бои силами роты, батальона. Незаметно подойти к деревне, скрытно, незаметно обнаружить вражеское боевое охранение. Разведчики бесшумно снимают часовых.

А кругом – ночное безмолвие. Быстро проникнуть на улицы деревни и, окружив врага, где стоят автомашины, внезапно вломиться в хату и устроить там своего рода «подъём», брать гитлеровцев в постелях и сразу доходчиво объяснять им, что они очень плохие.

Шёл 1944 г. Горела земля под ногами гитлеровцев. Партизаны не давали им покою ни днём, ни ночью.

После выполнения задания Белорусского штаба партизанского движения («рельсовая война» на участке ж.д. Шклов-Могилёв) Кировское партизанское соединение вернулось на свои базы, находившиеся в лесах Кличевского района возле д. Поплавы.

Здесь состоялось последнее заседание подпольного РК КПБ и РК ЛКСМБ. Были сформированы руководящие органы района.

27 июня 1944 г. соединились с частями Красной Армии. Это были незабываемые минуты.

Здесь в д. Поплавы был сформирован особый батальон (300 чел.) под командованием Чайка Г.М. по вылавливанию остатков недобитых фашистов, полицейских, изменников Родины.

После выполнения задания, батальон был расформирован.

Партизаны в деревне

Встреча партизан

Партизаны посещают места боев

Группа партизан бригады им. Кирова. Май 1964 г.

Правительственные награды Георгия Матвеевича

1. Орден Отечественной войны II ст. (1944)
2. Орден Боевого Красного Знамени (1944)
3. Медаль «Партизану Отечественной войны» I ст. (1946)
4. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (1946)
5. Медаль «За отвагу» (1965)
6. Медаль «20 лет Победы в ВОВ» (1965)
7. Юбилейная медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1968)
8. Медаль «25 лет Победы в ВОВ» (1970)
9. Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970)
10. Медаль «30 лет Победы в ВОВ» (1975)
11. Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР» (1978)
12. Медаль «Ветеран труда» (1981)
13. Медаль «40 лет Победы в ВОВ» (1985)
14. Орден Отечественной войны I ст. (1985)

Трудовая деятельность Георгия Матвеевича

- с 2.12.1944 г. по 1.08.1949 г. – Зав. Кировским райздравотделом
- с 01.08.1949 г. – инструктор санпросвет работы при райсанэпидстанции
- с 27.01.1950 г. – зав. Малярной станции
- с 03.1950 г. по 20.11.1954 г. – председатель колхоза им. Жданова (д.Букино)
- с 28.11.1954 г. – директор Кировских райэлектросетей
- с 2.10.1958 г. – Кировское МСО - столяр
- с 21.02.1961 г. – зав. Алянским фельдшерско-акушерским пунктом
- с 4.04.1963 г. – и.о. главврача скорой помощи Кировской райбольницы
- с 10.02.1965 г. – и.о. зав. отделения скорой помощи Кировской райбольницы
- с 1.10.1966 г. – рентгенлаборант флюорографической установки
- с 20.11.1971 г. – фельдшер отделения скорой помощи райбольницы
- с 1.10.1975 г. – фельдшер кабинета доврачебного контроля
- с 8.05.1976 г. – фельдшер Кировского филиала автокомбината № 2
- с 18.11.1978 г. – уволен по собственному желанию в связи с уходом на пенсию.

Поощрения, благодарности Георгия Матвеевича

1948 – Благодарность Министра здравоохранения БССР с занесением в личное дело за отличную трудовую деятельность по медобслуживанию трудящихся и активное участие в общественной работе.

1948 – Премия 500 руб. от Министра здравоохранения БССР за успехи в борьбе с малярией.

1949 – Благодарность Министра здравоохранения БССР за организацию противомаларийной станции.

1961 – Благодарность главврача Кировского района за хорошую работу.

1962 - Благодарность главврача Кировского района за добросовестное отношение к работе.

1964 – Благодарность объявлена приказом по Могилевскому облздравотделу.

1966 – Награжден Почетной грамотой главврача района и РК профсоюза медработников.

1969 – Объявлена благодарность главврача района.

1972 - Награжден Почетной грамотой главврача района.

Выписка из служебной характеристики на фельдшера Чайко Г.М.

... За время работы на вышеперечисленных должностях Чайко Г.М. много труда и энергии вложил по восстановлению и развитию здравоохранения в Кировском районе, показал свои хорошие организаторские способности.

Тов. Чайко Г.М. систематически повышал свой специальный и идейно-политический уровень, являлся пропагандистом медицинских знаний среди населения, принимал активное участие в общественной работе.

Высокое чувство долга, неутомимая энергия, чуткость к больным – все это присуще т. Чайко Г.М.

Главврач района

Н.И. Поляков

Секретарь партбюро

Н.А. Ильюшкин

Пред. РК профсоюза медработников

Л.Н. Чайко

Особенности характера, приверженность

Георгий Матвеевич был человек прямой. Прямолинейно и бесхитростно высказывал свое мнение, не взирая на лица, что не всегда нравилось окружающим, особенно руководству.

Он был человек очень контактный и чрезвычайно открытый. Ко многим людям относился лучше, чем они этого заслуживали. Любил детей. Уважительно относился к старшим. Если человек ему не нравился – такой человек об этом узнавал сразу и без задержек.

Был веселый, любил юмор, шутку. С удовольствием слушал выступления народного артиста А. Райкина. Мог пошутить над собой, по характеру беззлобный, обиды не держал, незлопамятный.

Рассказал смешной случай из своей жизни. В 1944 г. в партизанскую зону прилетел самолет с Большой земли. Пока шла разгрузка самолета, летчик подошел к Георгию Матвеевичу и спросил: «А как у вас обстоит дело с ППЖ (ППЖ – партизанская полевая жена (юмор.)

Не зная, что означает эта аббревиатура, считая, что речь идет об оружии, Матвеевич серьезно отвечает: «Пока такие системы нам на вооружение не поступали».

Вокруг общий хохот и смех Развеселились все.

В вопросы политики глубоко не вникал, но интересовался, особенно нравилось слушать выступления главы государства Н.С. Хрущева.

Помню, обучаясь в 5-8 классах, при обращении к отцу за помощью при решении задач, тот никогда не отказывался и охотно помогал. На родительские собрания ходить не любил, объясняя: «Я знаю, что мои дети учатся хорошо и поведение у них примерное».

На выпускном вечере сына Анатолия присутствовали оба родителя. С благодарственной речью в адрес учителей выступила мама – Елизавета Васильевна. Она сказала такие проникновенные, трогательные слова, что дома Георгий Матвеевич уважительно отметил: «Ну, ты сказала... я даже прослезился».

Георгий Матвеевич был отличный плотник и столяр. Смастерил самодельный токарный станок по дереву. Изготовил много оригинальной мебели как для дома, так и для других: туалетный шахматный столик, круглый стол, буфет, трюмо, умывальники, столы и многое другое.

У Георгия Матвеевича на теле были нанесены татуировки:

В студенчестве

На грудной клетке эмблема медицины в виде чаши с обвитой вокруг змеей.

В армии

1. На внутренней стороне левого предплечья от локтевого сгиба и почти до запястья – раскрытый парашют и парашютист.

2. У основания большого пальца левой руки сверху цифры «1917 г.»

При выходе из окружения (октябрь 1941 г.) получил перелом фаланги большого пальца правой ноги и надрыв связки.

Неоказание своевременной квалифицированной помощи (в связи с обстоятельствами), сращение пальца произошло неправильно, и до конца жизни палец не сгибался в суставе.

При ранении в бою в д. Выжары Кировского района (май 1944 г.) в коленной чашечке левой ноги остался до конца дней осколок от немецкой гранаты. На рентгеновском снимке видно – осколок имеет форму вытянутой сплюсненной пирамидки (треугольник)

Δ - (нарисован в натуральную величину)

Ещё в 60-х годах осколок не вызывал беспокойства, иногда на погоду ныло колено, а с 70-х годов начались проблемы с ногой.

В 1980 г. ВТЭКом признан инвалидом II гр. В связи с ранением, полученным в партизанском отряде.

С возрастом «приобрел» ряд заболеваний и перенес несколько операций.

В 1984 г. направлен в республиканский госпиталь для инвалидов Отечественной войны в п. Боровляны с диагнозом: *Облитерирующий атеросклероз нижних конечностей, склеротическая окклюзия бедренных артерий. Состояние после шунтирования левой бедренной артерии. Состояние*

после холецистэктомии по поводу калькулезного холецистита. Хр. Гастрит. Атеросклеротический кардиосклероз. Н. чешуйчатый лишай. Конъюнктивит обоих глаз. Гиперметропия слабой степени обоих глаз. Хр. Катар верхних дыхательных путей. Вазомоторный ринит.

Чайка Г.М. умер 8 февраля в воскресенье 1987 г. в п. Кировске.

Причина смерти: рак левого легкого с метастазами в позвоночник.

Стойко и мужественно он переносил нестерпимые боли, мучившие его, в последние дни делались обезболивающие уколы. Кашель душил его, спать лёжа было невозможно. Матвеевич дремал, сидя в кресле, в кресле и умер.

Примечание автора

Курение – основная причина заболевания раком легкого. Бросить курить отец не смог.

- Вес растёт, если бросаю курить, - объяснял отец.

Когда узнал диагноз, - бросил сразу, но было поздно. Конечно, бросив курить, у ещё здорового человека риск заболевания снижается, но шлейф вредного воздействия и 20-и и 30-летней давности тянется за человеком и может «достать» его уже в пожилом возрасте. Это даже у бросившего курить.

А отец не бросал... и в 69 лет... летальный исход.

У гроба в почётном карауле стояли боевые товарищи и друзья Георгия Матвеевича.

Траурная процессия направляется на городское кладбище «Селищи». Венки от ветеранов-партизан, от организаций, от соседей, от родных и близких. На подушечках несут 14 правительственных наград орденосца.

Стоял морозный февральский день, кладбище занесено глубоким снегом, а у свежевырытой могилы устанавливается гроб, утопающий в живых цветах.

В траурных речах выступающих звучат сердечные, искренние и, одновременно, печальные слова, в связи с кончиной дорого всем Георгия Матвеевича.

Закончился земной путь нашего отца, память о нём сохраняется в наших сердцах.

Пусть земля ему будет пухом.

И вечная память.

У памятника погибшим мирным жителям д. Борки Кировского района Могилёвской области (Беларусь).
Второй слева Чайка Г.М.

Чайка Георгий Матвеевич (1917-1987) –
прадед Чайки Георгия (р. 2004 г.)

1940 г.

1985 г.

**Чайка
Елизавета
Васильевна**
*(прабабушка
Чайки
Георгия)*
труженица
тыла. 2008 г.

Чайка Георгий Матвеевич родился в 1917 г. в Белоруссии. Призван в ряды Красной Армии в 1940 г. и служил военфельдшером в Забайкалье. В октябре 1941 г. попал в окружение под Москвой, по оккупированной территории направился в родные края, где вступил в ряды партизан.

В партизанском отряде командир батальона Чайка Г.М. участвовал во многих боях с фашистами, имел ранения. Награждён орденами Красного Знамени и Отечественной войны, медалями «Партизану Отечественной войны», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.».

После войны работал заведующим отделом здравоохранения района, председателем колхоза, фельдшером скорой помощи. В мирное время награждён медалью «Ветеран труда» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Вместе с женой Елизаветой Васильевной воспитали четырёх детей, все получили высшее образование.

Умер в 1987 г. Похоронен в г. Кировске Могилёвской области (Беларусь)

1985 г. Чайка Г.М с внучкой

Чайка Георгий. (2009 г.)

Биография Елизаветы Васильевны Чайка (Горячёва)

Родилась 19.10.1920 г. (вторник) в с. Клеванцово Семёновского района Костромской области (в настоящее время Кадыйский район Ивановской области) в семье крестьянина-единоличника.

**Горячёв
Василий Абрамович
(1890-1952)**

**Горячёва
Пелагея Захарьевна
(1887-1960)**

Её родители: отец Горячёв Василий Абрамович (1890-1952), мать Пелагея Захарьевна (1887-1960).

В семье родилось 6 детей: Мария (1907-1968), Екатерина (1915-1971), Алексей (1922-1973), Ольга (1926-1989), Иван (1927-1999). Елизавета (1920-2010) была третьим ребёнком в семье.

Отец Василий Абрамович – участник Первой мировой войны 1914 г., принимал участие в боевых действиях на германском фронте; был обучен грамоте. После революции вступил в совхоз, работал учётчиком.

В 1936 г. Елизавета с отличием окончила Кадыйскую неполную среднюю школу и поступила в педагогический техникум г. Кинешма по специальности «дошкольное воспитание», специальность – воспитатель. Во время учёбы в городе проживала по адресу: ул. Красная, 30 (снимала квартиру).

В 1939 г. по окончании техникума получила распределение на работу в Забайкалье. Прибыв в Читу, ОблОНО направило её на работу в Борзинское РОНО.

Трудовая деятельность Елизаветы Васильевны.

1. С августа 1939 г. – инспектор дошкольных учреждений Борзинского РОНО.

Февраль 1941 г. (избрана неосвобождённым 2-м секретарем Борзинского райкома ВЛКСМ).

2. Апрель 1941 – июль 1941 г. – Зав. Борзинским дошкольным методкабинетом.

11.08.1941 г. – рождение сына Валерия (с. Назарово Красноярского края)

3. С сентября 1942 г. по август 1944 г. – Зав. Назаровской школой Назаровского района Красноярского края (зерносовхоз № 3)

(В январе 1944 г. объявлена благодарность за добросовестную работу как зав. школой, за хорошую постановку учебно-воспитательной работы в школе, приказ РОНО № 213 от 13.01.1944 г.)

4. С августа 1944 по ноябрь 1944 г. – зав. Морозовской школы Кадыйского района Костромской области.

5. С февраля 1945 по август 1948 г. – Кировская санэпидстанция – бухгалтер.

6. С августа 1948 г. – Заведующая Кировской районной библиотекой.

7. С февраля 1953 г. – Заведующая детской районной библиотекой.

8. С августа 1956 г. – Заведующая читальным залом районной библиотеки.

9. С декабря 1965 г. – Зав. передвижным фондом районной библиотеки.

10. С июня 1966 г. – Директор Кировского Дома пионеров.

11. С марта 1970 г. – Заведующая Кировской районной библиотекой.

12. С февраля 1978 г. – Директор Центральной районной библиотечной системой.

13. С марта 1980 г. – уволена в связи с выходом на пенсию.

14. С марта 1980 г. – библиотекарь отдела обработки районной библиотеки.

15. С января 1984 г. по март 1985 г. – воспитатель ССПТУ-66 (г.п. Кировск)

16. С октября 1985 г. – библиотекарь отдела обработки и комплектования районной библиотеки.

17. В мае 1989 г. – уволена по собственному желанию.

Из воспоминаний Елизаветы Васильевны

В августе 1941 г. семьи офицеров были эвакуированы из Борзи в Красноярский край, Назаровский район.

Сразу по прибытию на место у меня родился мальчик, назвали Валерий в честь Валерия Чкалова.

С сентября пошла работать. В октябре 1941 г. стало известно, что муж пропал без вести, вся часть пропала. Нормы на хлеб уменьшились: 400 г работающим, 250 г – иждивенцам. Только когда сыну исполнилось 2,5 года, он впервые в своей жизни увидел конфеты – «подушечки» и, держа их в руке, удивлённо спросил: «Мама, а что это такое?»

В январе 1942 г. к жене возвратился один военный, бывший в окружении и списанный по ранению. С этой семьёй мы были знакомы ещё до войны, по службе в Борзе, офицер был сослуживцем Юры.

Жёны, ничего не зная о своих мужьях, пропавших без вести, ходили к возвратившемуся фронтовику, спрашивали о судьбах мужей. Может ему что-либо известно? Я тоже ходила, спрашивала.

- Видел Чайку в первой половине октября. Встретились в лесу случайно. Пасмурный осенний день клонился к вечеру, шёл дождь со снегом, было холодно, сильный ветер качал деревья. Мы разговаривали недолго. Подразделения нашей части были уже разрознены. И у меня и у Чайки не было

чёткого плана как поступать, и в каком направлении идти. Я решил двигаться на восток, Чайка не согласился.

Мы разошлись и больше не виделись, - так закончил свой рассказ офицер.

В июне 1944 г. мне вручили записанную в конторе совхоза телефонограмму с почты с. Назарово. Три слова: «Жив. Здоров. Отец»

Я поняла записку как телефонограмму от отца – сообщал о своём здоровье.

Через несколько дней, будучи в совхозе, почтальонша спросила: «Рада, небось, что муж жив?»

- Как?! Что?! Не поняла.

- Тебе передали телеграмму?

- Да. Она от отца. О муже ничего не сказано.

- Я сама принимала телеграмму. Было сказано: «Чайка жив. Здоров. Отец».

Оказалось, в записке, переданной мне, отсутствовало слово «Чайка».

Только после освобождения Кировского района от захватчиков, мои родители переслали письмо с Гуты от племянника Володи (сын Юриного брата Андрея).

Из письма узнала, муж жив, находится в партизанском отряде. Слава богу! Закончилась мучительная неопределённость. В августе 1944 г. мы с сыном переехали по месту жительства моих родителей, там устроилась на работу и стали ожидать приезда Юры.

Характеристика на Елизавету Васильевну

Образование высшее, беспартийная, член профсоюза с 1936 г.

В 1960 г. поступила и в 1965 г. окончила Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской по специальности «библиотековедение и библиография научных и массовых библиотек», присвоена квалификация «библиотекарь-библиограф высшей квалификации».

Повышала квалификацию в Республиканском институте повышения квалификации работников культуры г. Минск (1972, 1977).

В 1950-1970 г.г. избиралась заседателем народного суда Кировского района. На время отпуска судьи неоднократно назначалась временно исполняющей обязанности народного судьи.

При назначении Первый секретарь райкома КПСС Шепелевич отметил: «Мы знаем Вашу требовательность, в первую очередь, себе».

Депутат Кировского Совета депутатов (1975, 1977).

Награждена медалями: «Ветеран труда», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Будучи на пенсии, и продолжая работать библиотекарем, временно исполняла обязанности секретаря-делопроизводителя 2-го секретаря райкома КПСС Гончарова С.Е. Работа в таком качестве была оценена положительно, - предложил остаться на этой должности постоянно. Отказалась.

Елизавета Васильевна говорила всегда убедительно, порой остро, речь грамотная. Умела быстро, кратко и сжато выразить свою мысль. В речи присутствовали поговорки, афоризмы и пословицы.

Любила шутки, юмор. Могла свободно приводить примеры из высказываний писателей, поэтов, цитировать классиков. Иногда просто поражала своей эрудицией. До последних дней своей жизни сохраняла отличную память.

Ответственна и добросовестна.

Елизавета Васильевна была безусловно лидер в семье. Её твёрдый характер органично сочетался с безграничной любовью к своим детям. Она любила своих детей и верила им.

Елизавета Васильевна и Георгий Матвеевич – две разные по характеру личности, создав семью, передали потомкам свои гены, в полной мере проявившиеся в детях. Все получили высшее образование и, что самое главное, правильное воспитание. Они научили своих детей жить так, чтобы не мешать другим.

Напомню слова отца, которые он часто любил повторять: «Я знаю, что мои дети хорошо учатся и у них примерное поведение – все в меня».

Мама высказывала порой очень оригинальные мысли, обороты речи, с юмором и хорошими шутками, мы называли такие её фразы «из репертуара Кировского Дома пионеров».

Ей очень нравились песни в исполнении Людмилы Зыкиной, в исполнении Георга Отса «Я люблю тебя жизнь». Любимые песни были: «Славное море, священный Байкал». Мама любила напевать: «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я привёл к тебе в дом, у тебя не спросив. Строго глянула ты на жену молодую, и заплакала вдруг, нас поздравить забыв».

Последние дни земной жизни Елизаветы Васильевны

Силы покидали её, но сознание оставалось ясное, она переносила физические и душевные страдания.

(февраль – 15 апреля 2010 г.)

Её высказывания в самые последние дни:

- Сами то ешьте, а то отощаете (нам с Валец);
- Выведите меня из этой комы;
- Серёжа ничего с собой не берёт есть;
- Если так буду лежать, сдурею, и буду у вас мух ловить.

Валя: «Мама, в Могилёве В. Толкунову (певица) в больницу положили.

- Бог с ней, с Толкуновой, тут своя мать сидит – хоть в реанимацию.

Валя: «Мама, съешь детское питание. Этим кормят детей». (Пробует):

- дети такую гадость не едят.

Валя: «Мама, у тебя плохая вена».

- Дай свою. В другой руке, в ноге, в заднице есть вена.

- Полет нога. В ноге надо поставить защёлку. (Лежит на спине, нога, согнутая в колене, расправляется.).

Помолимся за родителей,
Ангелов – наших родителей.
Помолимся и когда-нибудь
Помолятся дети за нас.

*8 февраля 2014 г.
г. Кировск*

Использованная литература:

1. «Огни в родных лесах» Е.Г. Акушевич. Минск. «Беларусь», 1987, 2-е изд.
2. Белорусская советская энциклопедия. Т. 8. Минск, 1975, стр. 258.
3. «Шла война народная». К 30-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Изд. Газ. «Кировец». Отдел пропаганды и агитации Кировского РК КПБ, 1974 г.
4. Журнал «Фельдшер и акушерка». Минск, 1974 г.

